

АНГЛИЯ И АНГЛИЧАНЕ

Анна Павловская

12+

Анна Павловская

Англия и англичане

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54860267

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06352-5

Аннотация

В центре внимания находятся особенности современного образа жизни, традиции и нравы, манера поведения англичан. Большое место уделяется поиску исторических корней современной ситуации в Англии. Рассказывается как о бытовых особенностях, касающихся жилья, традиций питания, так и о духовном мире англичан: их интересе к истории, приверженности традициям, месте религии в жизни, искусству разведения садов и парков. Предназначена для туристов и путешественников, студентов и школьников, для всех, кто интересуется историей, культурой и современным состоянием Англии. Для обложки использовано фото автора.

Содержание

Введение	4
1. Своеобразие английского региона	7
Англичане и Британские острова	7
Англичане и Англия	15
Англичане и мир	22
2. Англия: страна с характером	36
Английский патриотизм	36
Английская монархия	48
Живая история	55
Во что верит англичанин	72
3. Англия и Россия – традиции общения	88
Взаимовыгодное сотрудничество	88
Переплетение судеб	98
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Введение

Сегодня в нашей стране издается много книг об Англии и ее культуре. И это не удивляет. Английский язык стал глобальным языком, и теперь любое международное общение невозможно без его знания. Интерес к языку неизбежно ведет и к интересу к народу, на нем говорящему. Подлинное понимание и плодотворное общение невозможны без знания культуры и характера народа.

Есть и другая сторона проблемы. Современный мир неудержимо движется по пути культурной глобализации. Как реакция на унификацию и стандартизацию многих явлений быта и нравов в европейских странах наметился процесс возрождения и культивирования национальных традиций. Сегодня еще есть, что спасать и есть что описывать – еще живы обычаи, культурные особенности, традиционные представления и взгляды. Европейские страны еще сохраняют свое культурное своеобразие. И Англия в этом вопросе является одним из лидеров.

Данная книга имеет три особенности, отличающие ее от других книг на эту тему.

Особенность первая. Она написана не столько про страну, сколько про людей ее населяющих. Именно людям с их привычками, взглядами на жизнь, традициями и устоями, особенностями поведения и общения посвящена эта книга. В

ней сознательно опущены многие сведения справочного характера: во-первых, они быстро устаревают, а во-вторых, их можно найти в любом справочнике, учебнике или Интернете. Главное внимание уделено тому, что менее подвержено влиянию времени, что составляет основу любого государства – характеру народа.

Особенность вторая. Она ориентирована на русского читателя. Книги про Англию чаще всего неизбежно основаны на переводном материале. Данная книга дает русский взгляд на английскую жизнь. И не только авторский. В ней собраны многочисленные свидетельства русских путешественников, в течение нескольких столетий «открывавших» для себя и русского читателя свою Англию. Исторические отсылки дают возможность убедиться в устойчивости английского характера и привычек, сравнить восприятие окружающего мира нашими предками с современным.

Особенность третья. Она написана в легкой, свободной форме. Существует традиция, что учебники и учебные пособия должны быть непременно скучными, иначе науки не будет. Это справедливо. Но вспомним, сколько книг про Англию начиналось неизбежным: «Британские острова находятся на северо-западе европейского континента и отделены от него проливом Ла-Манш», а заканчивалось вопросом: «Где находятся Британские острова и чем они отделены от континента?». Несмотря на справедливость этого заявления, ни обсуждать, ни думать, ни спорить здесь было не о чем. О

важных вещах можно говорить и простым языком, а приводимые шутки, анекдоты и жизненные ситуации делают чтение более приятным, одновременно вводя читателя в круг ключевых культурологических проблем.

Понять характер и душу народа всегда сложно, еще труднее – их описать. Вместе с тем без этого невозможно ни межкультурное общение, ни международное понимание, ни просто спокойное сосуществование в современном беспокойном мире.

Эта книга:

- для тех, кто изучает английский язык;
- для тех, кто интересуется культурой Англии;
- для тех, кто занимается проблемами межкультурной коммуникации и регионоведения;
- для тех, кто собирается в путешествие в Англию;
- для тех, кто хочет научиться общению с англичанами и понять особенности их характера и поведения.

Я хотела бы особо поблагодарить: профессора С. Г. Тер-Минасову, открывшую для меня Англию, Джуди Уокер, «типичную» англичанку, Майкла Пушкина из Бирмингемского университета, «нетипичного» англичанина, моего мужа Игоря Павловского за моральную и интеллектуальную поддержку.

1. Своеобразие английского региона

Англичане и Британские острова

Англия как государственное объединение представляет собой явление уникальное и парадоксальное. Начать с того, что страна эта не имеет определенного названия. То есть, конечно, все знают, что Англия – это часть Великобритании, она же сокращенно Британия, куда кроме нее входят еще и Шотландия с Уэльсом. Великобритания и Северная Ирландия вместе составляют Соединенное Королевство, которое уже в свою очередь входит в состав Британских островов (с Республикой Ирландия и рядом небольших островов). Если вы ищите что-либо в международном справочнике, вы всегда сталкиваетесь с проблемой, на какую букву искать что-либо английское – на «Е» как в «England», или на «G» – «Great Britain», или, может, на «U» – «United Kingdom», а оно возьмет и окажется на «В», так как составитель посчитал короткое «Britain» более уместным.

В марте 2000 года в российском Интернете прошла информация о том, что Министерство иностранных дел Великобритании выводит из пользования название Британия, а

вместо него закрепляется Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии или коротко Соединенное Королевство (чем-то неудержимо напоминающее наше бывшее СССР – также из политической корректности не имевшее в своем названии никаких указаний на конкретную государственную, национальную или этническую принадлежность, что не мешало всех жителей страны называть русскими). На официальном уровне уже довольно давно употребление названия «английский» считается дурным тоном и заменено на «британский». В обиходе же, особенно среди иностранцев, все равно все жители британских островов остаются англичанами. В учебниках даже приводится возмутительный пример, когда коллекция работ, адресованная в картинную галерею Эдинбурга, имела адрес: «Эдинбург, Англия», хотя это и столица Шотландии.

Чтобы окончательно все запутать, существуют еще и старые и разговорные названия. Так, «Британия» (“Britannia”) – старое название, которое римляне дали своей провинции, находившейся примерно в границах современной Англии. От них же пошло и название Альбион (Albion), которое сейчас используется для обозначения Англии в поэтическом или риторическом контексте. Наконец, древние британцы были одним из племен, населявших английские земли в древние времена, их считают предками современных валлийцев. Сегодня же слово «бритонец» (Briton) употребляют по отношению ко всем жителям.

Несмотря на обилие названий и самоназваний, все очень просто. Живут на этих островах представители четырех народов – англичане, шотландцы, валлийцы, ирландцы, а британцами никто быть не хочет, хотя сегодня найти представителя любого из этих славных и гордых своей независимостью (внутренней, а не политической) народов в чистом виде практически невозможно. Надо обязательно помнить, что все эти народы ни в коей мере не похожи один на другой. Подобно тому как традиционный английский завтрак из яичницы, тоста, жареной сосиски, помидора и грибов, ничуть не похож на традиционный шотландский, в свою очередь включающий в себя яичницу, тост, сосиску, помидор и грибы (нет более страшного оскорбления, как оговорившись или по наивности, перепутать один с другим).

Ситуация обостряется год от года. В Великобритании заметен подъем внутреннего национализма отдельных ее частей. Про ирландцев и говорить не приходится, не прекращающаяся борьба этого народа со своим главным врагом – англичанами – хорошо известна по телевизионным новостям. Даже самые мирные из них полны неприятием всего английского. При этом культуры – английская и ирландская – достаточно близки, поэтому обыватели нередко путаются. Один маленький русский мальчик, поехавший изучать английский язык в Ирландию, как-то запутался, в которой части Ирландии он находится, английской или ирландской. За разъяснением он обратился к учителю, который с негодованием от-

ветил вопросом на вопрос: «Ты что думаешь, я мог бы жить с англичанами??»»

Еще сложнее с шотландцами. Они-то уж точно часть Великобритании. Но требования самостоятельности и даже независимости нарастают с каждым годом. Причем никто точно не знает – зачем, кроме общего свободолюбия и противопоставления себя англичанам. Характерно, что одним из самых активных борцов за шотландский парламент стал американский актер шотландского происхождения Шон О’Коннери, который почему-то дома себе купил не на холодных туманных просторах прародины, а в Испании и на побережье Карибского моря. Сам он объясняет это не климатическими условиями и не нежеланием платить налоги, а борьбой за справедливость. «Только тогда, когда Шотландия обретет независимость, что, я верю, случится при моей жизни, – заявил 72-летний актер в интервью газете «Геральд» в марте 2003 года, – я куплю себе дом в Шотландии».

Шотландцы твердо знают: все зло – из Англии, даже такой с их точки зрения бессмысленный закон, как запрет по воскресеньям продавать алкоголь до 12 дня. С самыми серьезными лицами работники висковарни в Шотландии в воскресенье утром жалуются туристам: «Мы не можем открыться для посещения и дегустации до полудня. Это все английские штучки, вы же понимаете».

В Шотландии очень популярен старый анекдот: его тиражируют на открытках, помещают на сувенирные полотенца и

фартуки, часто вспоминают в путеводителях. Когда Господь создавал Шотландию, он дал ей все самое лучшее: высокие горы, глубокие озера, чистые реки, изобилие рыбы и птицы, жирные луга и сочные травы, на которые пустил овец. Страна получилась столь прекрасной, что другие народы позавидовали и взмолились: «Господи! Неужели ты дал так много одному народу! Это просто рай на земле какой-то. Это же несправедливо». На что Бог ответил: «Подождите, вы еще не видели, каких я дам им соседей».

Валлийцы менее известны, чем другие народы, составляющие Великую Британию, да и слились с англичанами они, пожалуй, сильнее, чем другие. Но свой язык, песни, костюмы и традиции и они любовно оберегают и противопоставляют английским. Независимый характер валлийцев подчеркивается дорожными знаками, которые в Уэльсе всегда на двух языках – понятном всем английском и совершенно неудобоваримом и непроницаемым местном.

Время от времени еще какая-нибудь часть вспоминает о былом величии и начинает мечтать о своей неповторимости и непохожести на остальных жителей островов. Например, крайне западный регион Англии Корнуолл, родина короля Артура, Тристана, древнейшего в Европе производства олова, пиратства и контрабандистов, кельтских легенд, а также огромных пирожков с разнообразными начинками. Жители этого региона до сих пор, пересекая границу своего графства, говорят о поездке в «Англию».

Несмотря на то, что Соединенное Королевство – это единое государство, с единым правительством, общей для всех королевой, единой экономикой и социальной системой (хотя с появлением шотландского парламента и здесь наметились расхождения), различия между составными частями очень значительны, прежде всего в культурном плане. Самоидентификация и чувство национальной обособленности не только не сглаживаются, но в последнее время только возрастают. Например, это особенно заметно в той сфере жизни, которая одинаково важна и незыблема для всех жителей Соединенного Королевства, – спорте.

Каждая часть страны имеет свою отдельную – английскую, шотландскую, уэльскую и ирландскую – сборную по самым любимым видам спорта – крикету, футболу, регби. Именно так они представлены на всех международных соревнованиях (кроме Олимпийских игр, конечно). Хорошо известно, что ничто так не поднимает патриотических чувств, как поддержка своей команды на мировой арене. И вот тут жители Королевства, даже живущие бок о бок, оказываются по разные стороны баррикад – каждый болеет за свою команду. Интересно, что именно победа английской команды на чемпионате мира по регби в 2003 году, неожиданно продемонстрировала подъем и английского национального самосознания. Улицы городов и деревень были украшены английскими флагами (красный крест на белом фоне), а также розами – национальным символом именно Англии. Многие, правда,

удивлялись – что это такое, но единение было все равно общим и значительным.

Здесь же обострилась и еще одна проблема: шотландская, ирландская и уэльская спортивные команды имеют свои отдельные национальные гимны, в то время как английская побеждает на соревнованиях под общебританский гимн «Боже, спаси королеву». Этот факт последнее время стал вызывать споры и сомнения. Команду победителей улицы Лондона (где, по подсчетам, собралось до 750 000 человек) вообще встречали единодушным уличным исполнением песни “Swing low, sweet chariot, coming for to carry me home”, являющуюся народным творчеством американских рабов. Каким-то загадочным образом эта песня некоторое время назад стала гимном английской команды по регби (отдельные острословы утверждают в прессе, что дело в том, что англичане просто в состоянии запомнить слова песни, поскольку их очень немного). Сегодня, на волне все нарастающих межэтнических противоречий, внутренних и внешних, у некоторых англичан эта мелодия вызывает раздражение и недоумение.

Все это надо помнить, приступая к рассмотрению английского характера, традиций и культурных особенностей. Англичане действительно меньше, чем другие, «малые», народы, озабочены национальной идентичностью. Для них «британский» и «английский» чаще всего синонимичны, а в условиях распространившейся политической корректности для

многих обсуждение подобных тем просто неприлично. На первый взгляд, они сохранили меньше других свои особые традиции и внешние признаки: национальные костюмы, народные песни и танцы и традиционные обряды. Все это в значительной степени растворилось в горниле Британской империи, создателями и хранителями которой они являлись. И все-таки речь в этой книге пойдет именно об англичанах. Шотландцы, ирландцы и валлийцы достойны отдельного изучения и описания.

Англичане и Англия

Как же воспринимают свою страну англичане? Удивительно, но маленький, в сущности, остров являет собой целый мир, в котором все «как у больших». Есть свои ярко выраженные региональные различия между севером и югом, западом и востоком, не только в характере, еде, традициях, одежде, но и в языке – жители разных регионов Англии порой не могут понять друг друга. Разнообразие природы, пейзажа, географии, экономики превращает маленький остров в огромную страну. Но самое главное – это отношение самих англичан, воспринимающих свою страну как не имеющую границ.

Англичане вошли в историю как великие путешественники. Они легко передвигаются по всему миру, среднестатистическая семья имеет одного сына, работающего в Марокко, другого – пишущего очерки в Индонезии, а третьего – желательно служащего в лондонском Сити, чтобы всех их обеспечивать. Они спокойно ездят на каникулы в Индию и Пакистан, а за покупками в Нью-Йорк. Однако, поездка в Шотландию или Корнуолл воспринимается англичанином как серьезное путешествие, к которому надо заранее долго готовиться, планировать, паковать вещи, настраиваться на акклиматизацию. В начале 1960-х годов англичанка Барбара Мур разработала пешеходный туристический маршрут

от самой дальней северо-восточной точки Шотландии Джон О'Гротс до самой юго-западной – Лэндс Энд (буквально – «конец света»), что составило 1408 км. Возмущению англичан не было предела – так унижить и умалить их огромную страну!

Для англичанина его страна – это прежде всего провинция, именно в ней воплощен идеал «доброй старой Англии», который живет в сердце рядовых граждан этой страны, пусть даже он уже давно далек от действительности. Это непременно свой дом, хоть небольшой, но клочок земли, свой сад, клумба под окном, деревенский паб и церковь, которые неразрывно шествуют по английской земле, это свой круг знакомых, с которыми можно поболтать в одном из вышеозначенных заведений в зависимости от пола и возраста, но которые не позволят себе обременять вас ни своими радостями, ни проблемами вне времени, отведенного на общение. Это сельские магазинчики, в основном изжившие свой век, вытесненные гигантами-супермаркетами и все равно сохранившие свое значение: каждый настоящий англичанин знает, что мясо и сосиски можно покупать только в мясной лавке, а овощи – у зеленщика, вкус совершенно другой!

Патриархальность английского идеала хорошо заметна в интернациональных браках. Одна итальянская графиня вышла замуж за английского, как она думала, интеллектуала. Они купили огромный старинный замок, оборудовали первым делом прекрасный подвал, в который свезли множество

вин, и стали жить-поживать. И вот тут-то и сказалась разница вкусов. Англичанин, обзаведясь средствами – графининскими и от традиционной для своей нации торговли вином, которое «старилось» в его погребах и неуклонно росло в цене год от года, ни о чем больше не мечтал. Выпив с друзьями пива в деревенском пабе, он мог часами с ружьем на джипе гонять по лугам за зайцами, а по выходным отправлялся играть в гольф, причем помешать этому не смогло бы даже извержение вулкана, если бы таковой имелся на их огороде. А графиня безмерно скучала, ей не хватало интеллектуального общества, разговоров о прекрасном, изысканной кухни и яркого солнца.

Более близкий читателю пример – американская поп звезда Мадонна, вышедшая замуж за известного английского режиссера. Фото в глянцевах журналах показывают ее супруга то на охоте, то после рыбалки, одетого в высокие сапоги и защитного цвета мятые одежды, в окружении счастливых друзей, судя по красным лицам уже пропустившим стаканчик-другой. Знаменитая сотрясательница устоев и владелица миллиардного состояния для этой сельской местности всегда будет миссис Ричи, американская жена хорошего парня.

И неважно, что Англия еще в середине XIX века обогнала другие европейские страны по росту городского населения. Жизнь в городе, в каменных блоках, зажатых между шумных дорог, в окружении иммигрантов и туристов, среди безли-

ких магазинов и интернациональных кафе – это реальность, а зеленые просторы и уютный дом в цветах – это мечта, к которой многие стремятся только мысленно, а большинство может себе позволить, только выйдя на пенсию. Каждый серьезно разбогатевший англичанин непременно покупает себе имение в сельской местности и, насколько позволяют обстоятельства, пытается вести образ жизни ленд-лорда.

В Англии издается журнал «Деревенская жизнь» или «Провинциальная жизнь» (Country Life), на фоне агрессивных глянцевого современных журналов умиляющий своей простотой и наивностью. Открывается он, как это принято во всех журналах, рекламными объявлениями – о продаже домов, нет не домов, а скорее поместий, потому что даже простое описание продаваемой собственности представляет несомненный интерес для историков, архитекторов, просто любителей прекрасного. Трудно сказать, покупает ли кто-нибудь эти дома, видимо, все-таки да, но сама мысль от том, что, пусть теоретически, можно купить дом XVI или XIX века, совершеннейший музей, судя по фотографии, да еще с рекой, прудом, ступенчатым садом, удивляет и радует одновременно: людям есть к чему стремиться. Далее – передовая статья, например такая: «Почему нам нужна палата лордов». Ответ кратко: потому что только настоящий лорд знает настоящие проблемы настоящей Англии, то есть негородской. Другие статьи посвящаются важнейшим проблемам современности: как организовать настоящий пикник, особенно-

сти охоты на лис, падает ли в Англии потребление чая или растет, куда делись традиционные красные почтовые ящики. Все это обильно перемежается фотографиями очень миленьких сельских мисс, нежных, холеных и одновременно со свежим здоровым румянцем на щеках, позирующих на фоне зеленой травки или клумбы, – вот она, настоящая сельская Англия!

Английская провинция занимает особое место в английском мире. Лондон – это особый мир, ужасный, прекрасный, безумный, чопорный, глубоко национальный и совершенно космополитичный. О нем можно (и стоит) написать отдельную книгу, но эта – об Англии. Жители Лондона часто знают Англию гораздо хуже вездесущих туристов: они не верят в повсеместное распространение традиционных чайных в английских деревнях, удивляются обилию садов и парков в стране, сомневаются в необходимости сохранения псовой охоты, словом, посягают на святая святых английской традиции. А Англия между тем живет своей особой жизнью, и если вы хотите ее узнать, конечно, надо ехать в английскую провинцию.

Само понятие «Country» трудно перевести на русский: это и страна, и родина, и провинция, и сельская местность, и деревня, оно включает в себя все то, что не крупный город, прежде всего не Лондон. Английское «кантри» – это и зеленые холмы, и уютные деревушки, и огромные поместья, и небольшие уютные городки. Отношение к этому миру в Ан-

глии всегда отличалось от других стран. Провинция никогда не считалась местом ссылки, наказанием, как, например, в России. Наоборот, городской житель, разбогатеv, прежде всего стремился стать землевладельцем и сельским жителем, в Англии это всегда было вершиной общественной карьеры. Несомненно, что определенную роль сыграли размеры страны (да простят меня англичане). Здесь трудно найти действительно отдаленную точку, откуда нельзя было бы в один день добраться до крупного центра (а сегодня – и до Лондона). Вся сфера удобств и услуг равномерно распространялась по всей стране, так что провинциальные жители никогда не чувствовали себя ущемленными в бытовом или социальном плане.

Путешествие по провинциальной Англии очень важно для всех, кто хочет узнать эту страну. Конечно, туристы всегда любят известные названия; сравните: рассказать друзьям, что вы были в Ливерпуле или Бирмингеме или каком-нибудь Бибури, о котором никто никогда не слышал. Но нет никакого сомнения, что именно в последнем месте, пройдясь по тихой улице, разглядывая маленькие домики с нарядными клумбами, заглянув в местную церковь, которая легко может оказаться построенной в XIV веке, посидев и понаблюдав жизнь и нравы в местном пабе, вы получите гораздо более полное представление об Англии и уж, конечно, больше удовольствия, если только вы не страстный любитель шумных дорог и серых бетонных зданий. Впрочем,

безусловно, это дело вкуса.

В заключение еще об одной особенности. Хотя современные англичане нередко переезжают с места на место, вынуждаемые обстоятельствами, у них крайне развито чувство привязанности к конкретной местности, и здесь они также большие патриоты. Если вы живете в каком-нибудь Шропшире, вы будете твердо убеждены, что это самое лучшее место в Англии, где только и можно жить. Не случайно, английская поэзия полна «региональных» гимнов, как, например, прекрасное стихотворение Р. Киплинга «Сассекс»:

...Мы любим землю, но сердца
У нас не беспредельны,
И каждому, рукой Творца,
Дан уголок отдельный.
Свой рай по сердцу выбирай,
А я, с судьбой не споря,
Люблю мой край, мой дивный край, —
Да, Сассекс мой, у моря!¹

¹ Перевод В. Потаповой

Англичане и мир

Высокая самооценка, свойственная английскому народу, и ставшая глубокой убежденностью, привела к развитию у него неприятия других народов. Во всяком случае, они, другие народы, так считают и нередко чувствуют себя обиженными. В XV веке венецианский путешественник отмечал, что «англичане большие любители самих себя и всего, что им принадлежит; они убеждены в том, что не существует других людей, кроме них самих, и другого мира, кроме Англии». Три столетия спустя с ним соглашался наш Н. М. Карамзин: «вообще английский народ считает нас, чужеземцев, какими-то несовершенными, жалкими людьми». И сегодня англичане имеют устойчивую репутацию ксенофобов, то есть людей, ненавидящих все иностранное. При этом они же сами ее с удовольствием и поддерживают через путеводители, шуточные открытки и публицистическую литературу.

На это нередко приходится слышать возражения, что англичане очень гостеприимны и доброжелательны, и это действительно так. Спросите на ломанном английском дорогу на улице любого английского городка, даже такого равнодушно космополитичного, как Лондон, и вам подробно все расскажут, отведут туда, куда надо, и еще на прощанье в соответствии с языковой традицией обращения ласково обзовут *dear* или *love*, что, конечно, не будет означать внезап-

но вспыхнувшей страсти. Однако подобная вежливость не уменьшает их чувство национального превосходства и чувство пренебрежения перед всем иностранным.

При этом, как это не парадоксально, англичане – один из немногих народов в мире, который пользуется необъяснимым уважением окружающих. Как бы не посмеивались над свойствами и особенностями их характера, тайное почтение пробивается через любую насмешку, критику или откровенную враждебность.

Яркий пример – английский юмор. Понять его не может никто, особенно в самом ярком его проявлении – любви к физиологическим шуткам. Изысканная ирония Бернарда Шоу или Оскар Уайльда (оба, кстати, хотя и жили в Лондоне, но были ирландцами по происхождению, о чем не забывают напоминать их биографии) понятна всем, а вот падающие брюки, туалетные остроты, непременные намеки на разного рода сальности и неприличности мистера Бина или Бенни Хилла вызывают у остальных народов недоумение. Но тут срабатывает эффект «нового платья короля»: никто не может поверить, что он просто голый, все подозревают, что они просто чего-то не прочувствовали в тонком английском юморе, а поняли все в меру своей испорченности.

Интересно, что в любой европейской гостинице на англичан взирают с необъяснимым и, видимо, неосознанным почтением, хотя они не сорят деньгами, не слишком уж дружелюбны, одеваются как попало – они же на отдыхе, и вооб-

ще на общем иностранном фоне обычно достаточно тихи и незаметны. Такое явление, как англomania, характерно было не только для нашей страны, увлекались ею и немцы, и итальянцы, и даже вечные антагонисты англичан французы.

Одним из многочисленных парадоксов английской жизни является тот факт, что неприятие иностранного и чувство собственного превосходства в характере англичан благополучно сочетается с повышенным интересом к внешнему миру и любовью к путешествиям. Интересно, что именно в этой стране еще в XVI веке зародилась традиция совершать образовательные поездки на континент, получившая позже название «Большого турне». В елизаветинскую эпоху поездки молодых англичан в Европу всячески поощрялись государством, а нередко и финансировались: Англия нуждалась в образованных, знающих мир, широко мыслящих людях, нередко привозивших в свою страну заодно с новыми взглядами и разного рода практическую информацию – от современных научных открытий до сведений политического характера.

Известный общественный деятель XVIII века, составитель первого серьезного словаря английского языка доктор Самюэль Джонсон был знаменит своими меткими высказываниями, ставшими частью английской культуры. По поводу поездок англичан в другие страны он говорил: «Любое путешествие имеет свои преимущества. Если вы попадете в лучшую страну, вы сможете научиться улучшить свою соб-

ственную, если в худшую – научитесь ее ценить». Англичане чаще всего во время подобных странствий начинали ценить и любить свою далекую родину. Кстати, тот же Джонсон пустил популярную потом в разные эпохи фразу: «Человек, который не был в Италии, всегда будет страдать от комплекса неполноценности, потому что он не увидел того, что должен увидеть каждый». Много поколений англичан отправлялись потом в Италию, окрыленные этой фразой.

Своей кульминации Большое Турне достигло в XVIII веке, когда посещение европейских стран стало неотъемлемой составляющей образования английского джентльмена, причем образования в широком смысле – не только ума, но и души. (Немецкий философ И. Кант, правда, по поводу подобных путешествий ехидно замечал: во Францию «англичане едут только для того, чтобы ругать все дороги и гостиницы... как нечто отвратительное».) Помимо приобретения определенных знаний, круг которых представлялся довольно расплывчатым и туманным, путешествие предполагало развитие вкуса, улучшение манер, усовершенствование навыков общения. А самое главное – англичане считали путешествие лучшим способом борьбы с хорошо известными им собственными национальными недостатками – предубеждением против всего чужеземного, отсутствием интереса к иностранным языкам и нравам, национальной замкнутостью, узостью мировосприятия. Уже много позже, в начале XX века один из героев романа известного английского писателя

Э. М. Фостера «Комната с видом» (в России известна экранизация этого произведения, полная изумительных итальянских видов и английских пейзажей) вывел идеальную формулу воспитания английских детей: «Сначала воспитывайте их среди честных провинциальных жителей для чистоты, затем пошлите их в Италию за утонченностью, а потом, и только потом, позвольте им приехать в Лондон». Позже традиции образовательных туров переняли и другие народы, например, русские и американцы.

Впрочем, подобные путешествия, хотя и были полезными для образования и знакомства с другими культурами, не сильно отражались на английском чувстве превосходства над окружающими. В книге «Этикет для женщин», вышедшей в 1902 г., автор настойчиво убеждает своих соотечественниц быть снисходительнее к другим народам, хотя бы во время путешествия. «Нельзя отрицать, – пишет автор, – что англичане до абсурда консервативны, но во время путешествия им необходимо отложить на время в сторону их традиционность, их холодность, их чувство превосходства. Убежденные в своем превосходстве, они могут позволить себе быть снисходительными и милосердными к другим». А в 2000 г. английский журналист по-прежнему иронизировал о том, что пролив, отделяющий Англию от континента, – это «оборонительный ров» для англичан, вдоль обрывистых берегов которого они несут постоянную службу, «обозревая горизонт в поисках возможного захватчика», в ино-

сказательном смысле, конечно.

Англичане же принесли в мир и другое явление – массовый туризм. Они породили образовательное Большое Турне, они же с ним и покончили. Окончание эпохи интеллектуальных путешествий в середине XIX в. чаще всего связывают с тремя событиями в мировой истории. Во-первых, это развитие средств транспорта, а следовательно и удешевление его, сделавшее Европу доступной для многих и лишившее Турне его грандиозности и сложности. Во-вторых, в 1836 году английский издатель Джон Мюррей выпустил свой первый путеводитель – по Голландии, за которым последовали многочисленные издания, и переиздания, открывавшие Европу массовому читателю. Вслед за ним издатель из Кобленца Карл Бедекер начал свою серию путеводителей по Европе, а потом и по миру, добавив в них немецкую четкость, основательность и размеренность. Одним из его изобретений были звездочки, отмечающие степень культурной значимости того или иного места. Если раньше каждый открывал для себя «свою» Европу, не имея определенной конечной обязательной цели, то теперь весь маршрут был препарирован и подан «покупателю» подобно товару на рынке. Наконец, последней каплей явилось появление компании, основанной знаменитым Томасом Куком.

Кук, уроженец г. Мельбурна, обосновавшийся в Англии, начал свою активную деятельность в 1841 году, когда им был придуман, разработан и внедрен в жизнь первый массо-

вый «пикник», на который выехало более 500 человек. Все – поезд, экскурсия, ланч и чай – было продумано до мелочей, отдыхающие не должны были беспокоиться ни о чем, за них думали, решали, организовывали. Прошло несколько лет, и опыт был применен к путешествию в Европу. Первый маршрут, который возглавлял лично Томас Кук, проходил по Франции, Бельгии, Германии. Успех был настолько велик, что путешествие это было повторено несчетное количество раз. Позже география путешествий расширилась, также как и виды услуг. Даже независимый путешественник мог теперь купить специальные купоны, позволявшие ему останавливаться в определенных гостиницах по льготным ценам. Путешествие становилось массовым. На смену Большому Турне пришел век туризма.

Многих это огорчало. Известный художественный критик Раскин писал, что «бедные современные рабы и простаки, которые позволяют протащить себя словно стадо скота... по странам, воображая при этом, что они их посещают, даже не представляют себе весь комплекс радостей и надежд, связанных с выбором и наймом простой почтовой кареты в старые времена». В прессе появлялись статьи, описывающие итальянские города, «наводненные стадами этих существ, которые никогда не расстаются, и вы видите их в количестве не менее сорока человек, льющихся по улицам в сопровождении руководителя, который кружит вокруг них подобно пастушьей собаке...». Однако, несмотря на отдельные критиче-

ские высказывания и ностальгические воспоминания, массовый туризм прочно вошел в жизнь англичан, являясь простым, легким, дешевым и комфортным способом «познания» мира.

Наконец, англичане не только теоретически изучали окружающий мир (это прежде всего относится к европейским странам), они еще и предприняли попытку овладеть им, создав величайшую в мире империю, столь огромную, что в ней, как известно из популярного высказывания, никогда не заходило солнце. Часто приходится читать о том, что империя наложила свой отпечаток на характер англичан, мне же представляется более логичным, что характер англичан породил империю.

Есть два важных момента, определяющие особенности английской империи и людей, ее создавших. Во-первых, это умение англичан выживать в любых условиях. Большие патриоты и любители всего своего родного, они не просто выжили, а обжили страны, совершенно чуждые им. Большую роль здесь, конечно, сыграло воспитание, о котором будет сказано в свое время. Не менее важным оказалось умение везде и всюду создавать свой, английский, мир в миниатюре. Характерное свидетельство о жизни англичан во второй половине XVIII века в России оставил их соотечественник. Он писал: «Постоянно живущие в Санкт-Петербурге англичане – преимущественно купцы, они получают и тратят много денег и живут точно так же, как их соотечественники на родине. До-

ма обосновавшихся здесь британцев дают полное представление об английском образе жизни. Обстановка, пища, хозяйство – все английское, вплоть до огня в очаге. Даже уголь англичанин привозит из дома – а ведь дров здесь предостаточно».

И так по всему миру, во всех уголках своей огромной империи они обустроивали свой мирок и жили в нем; они старались без необходимости не конфликтовать с местным населением, не навязывать ему своих привычек, а просто использовали его по мере необходимости. Притягательность же английского образа жизни была настолько велика, что многие народы сами начинали перенимать его и прививать на своей почве. Известно, что многие английские традиции сохранились в чистом виде именно вне острова: например, в семьях индийской знати до сих пор пьют чай с неукоснительным соблюдением всех правил английского чаепития. Не случайно также, что после распада империи для бывших покоренных и угнетенных народов не стало большего счастья, как эмиграция в бывшую метрополию-завоевательницу.

Второй важный момент – это отношение самих англичан к своей империи. Это не просто торжество победителя, хотя мысль о том, что маленький остров смог покорить огромные державы, не могла не вызывать чувство гордости; это не только экономические выгоды, которые очевидны на первый взгляд (а с другой стороны, содержание империи, как мы знаем не понаслышке, вещь крайне дорогостоящая); это

еще и огромная ответственность, легшая на плечи завоевателей. Отнюдь не желая идеализировать британскую империю, реальность всегда расходится с теоретическими построениями, хотелось бы обратить внимание на часто забываемые сложности и трудности подобного бремени.

Служба в далеких странах всегда была почетной обязанностью англичанина. Это было своеобразным испытанием на прочность, на мужественность, на верность долгу. На человека, вернувшегося из колоний, смотрели с уважением, его заведомо считали человеком чести, храбрым и порядочным, родители гордились им, даже если не видели несколько десятков лет. Это XX век, увидевший распад этой империи, повесил ярлыки, а вслед за американцами усвоил законы политкорректности, согласно которым нельзя негра назвать негром, как будто в этом слове есть что-то обидное. А раньше англичане верили, что на них, как на белых людях возложена миссия спасения человечества, помощи и воспитания народов, которые в этом нуждаются, причем не оружием, а мирными способами – образованием, верой, техническим прогрессом, государственными преобразованиями. Иногда кажется, что в глубине души англичане до сих пор считают это справедливым.

Хорошо эти мысли выразил знаменитый английский поэт Р. Киплинг, любимый всем миром за своего Маугли, но в свое время прославившийся именно воспеванием империи. Слава эта была отнюдь не простой, начало XX века было

переломным и для всего мира, и для самой Англии. Викторианская эпоха, как мы могли бы ее назвать, эпоха «социального оптимизма» и веры англичан в английское величие, уходила в прошлое, и многие восприняли взгляды Киплинга как реакционные, отжившие свой век, националистические и агрессивные. Стихотворение с характерным названием «Бремя белого человека», отрывок из которого приводится ниже, вызвало больше всего нареканий, но оно, как ничто другое, выражает суть английского отношения к покоренным народам во всем его противоречии:

Неси это гордое Бремя —
Родных сыновей пошли
На службу тебе подвластным
Народам на край земли —
На каторгу ради угрюмых
Мятущихся дикарей,
Наполовину бесов,
Наполовину детей.

Неси это гордое Бремя —
Будь ровен и деловит,
Не поддавайся страхам
И не считай обид;
Простое ясное слово
В сотый раз повторяй —
Сей, чтобы твой подопечный
Щедрый снял урожай.

... Неси это гордое Бремя
Не как надменный король —
К тяжелой черной работе,
Как раб, себя приневоль...²

Современная Англия не забыла свое имперского прошлого, хотя чувство ответственности за окружающий мир заметно ослабело, теперь англичанам важнее сохранить самих себя в целостности и неприкосновенности. Так что сейчас весь мир вокруг интересуется англичан либо с точки зрения угрозы их независимости, либо как место отдыха. Франция, Италия, Испания любимы за теплый климат и вкусную еду, Германия – за возможность делать бизнес. Россия – своеобразный утешительный приз Европы: когда становиться грустно в своей стране, можно вспомнить о ней – там и климат хуже, и порядка меньше, и уровень благосостояния трудящихся ниже – словом, дома-то, оказывается, еще и не так плохо.

Совершенно особые отношения связывают Англию с Америкой. С одной стороны, все хорошо помнят, как все начиналось, так что внутренняя связь между этими двумя странами, безусловно, очень сильна. С другой – еще великий острослов Оскар Уайльд писал, что это две страны, разделенные общим языком. Сегодня действительно спор идет за первенство во многих областях, в том числе и языковой сфере.

² Перевод А. Сергеева

Забавный эпизод приводит один английский профессор: во время пребывания в США он разговорился в очереди с американцем, который поинтересовался, из какой страны его собеседник. «Из Англии,» – последовал ответ. «Вы хорошо говорите по-английски», – похвалил его новоиспеченный приятель. Возмущению английского профессора не было предела, но, пишет он, было очевидно, что объяснять что бы то ни было совершенно бесполезно. Американцы действительно считают английский своей собственностью. Американских студентов однажды попросили вспомнить все слова, подходящие для званого аристократического вечера. Студенты честно напряженно думали, а потом, обрадовавшись, сообщили: «У нас республиканское государство, поэтому в языке нет всех этих аристократических словечек».

Англичане крайне ревниво относятся к подобным попыткам «узурпировать» их язык и традиции. Так, в Англии в XIX веке существовала традиция в четвертое воскресенье поста отпускать служанок домой, к мамам. Перенесенный на американскую почву этот день получил название «День матери» и принял устрашающий коммерческий размах. В таком виде он вернулся на английскую почву: теперь за много дней до его наступления магазины начинают активно торговать разного рода глупостями, а рекламные плакаты дотошно выспрашивать, не забыли ли вы купить своей маме подарок или заказать столик в дорогом ресторане, чтобы отвести туда старушку. От английских рядовых граждан нередко

приходится слышать жалобы, что «они там, в Америке, взяли, как обычно, нашу идею и сделали что-то свое, никому не нужное. А теперь еще и «день отца» придумали, совсем ерунда какая-то».

Но ревнивые отношения не случайно бывают именно между людьми, близко связанными друг с другом. Так и Англия с Америкой, как бы ни ссорились, ни делились, ни обижались, все равно тесно связаны, и английское общество в силу общности языка еще больше подвержено угрозе американизации, чем другие народы. Хотя и оказывает яростное сопротивление.

2. Англия: страна с характером

Английский патриотизм

Англия, пожалуй, единственная страна, которая не хочет быть «Европой». Итальянцы и испанцы тайно комплексуют и мечтают приобщиться к этому славному имени, восточные европейцы хотят того же шумно и агрессивно, немцы делают вид, что они-то и есть Европа, но в глубине души не слишком в этом уверены, скандинавы живут в своем мире, не рассчитывая на эту честь. И только англичане последовательно отказываются от этой привилегии, всячески отделяя себя от всего мира. Есть средиземноморские страны, есть Центральная Европа, есть Скандинавия, есть славяне, есть Балканы. Англичане хотят быть сами по себе. И это им удается. Они знают, что они и есть самая великая страна, своего рода «пуп» вселенной. Ведь даже нулевой меридиан проходит именно по их территории.

При всей своей глубокой и искренней убежденности в собственном превосходстве англичане лишены какого бы то ни было откровенного выражения своего патриотизма. Невозможно представить себе англичанина, повторяющего как молитву «горжусь тем, что я англичанин», как это делают их братья за океаном, или даже просто шепчущего теп-

лые задушевные слова о своей стране, которые характерны для их соседей на континенте. Громкий шумный патриотизм свойствен чаще всего народам с комплексом национальной неполноценности и неуверенности в своем месте в мире. Тем, кто твердо убежден в собственном превосходстве, он не нужен. Наоборот, самоирония, насмешка, здоровый скептицизм по отношению к самим себе напрочь убивают желание смотреть на них свысока у других.

Кстати, американская знаменитая формула «горжусь тем, что я американец», была использована англичанами для рекламы... гамбургера. На авотзаправках летом 2003 года висели огромный яркие транспаранты «Горжусь тем, что я британец». Там же гамбургер – на фоне национального британского флага. Мелкими буквами в углу сообщалось, что в кафе можно купить настоящий гамбургер из британской говядины, причем с извинениями за то, что придется подождать, так как каждый из них готовится по индивидуальному заказу (намек на низкое качество фаст-фуда). Известно, что гамбургеры ассоциируют с Америкой, так что реклама била сразу по двум направлениям – насмеялась над американцами и давила на патриотические чувства англичан.

Интересно, но Англия почти что не сохранила своих национальных песен, и, выпив в баре в дружественной компании, англичане поют либо народные шотландские, либо, что осуждается еще больше, американские песни. Шотландские песни, безусловно, являются музыкальным шедевром народ-

ного творчества. В Англии действительно столь однозначно выраженного чуда нет. Есть прекрасные детские песенки. Веселые и грустные, очень простые, но какие-то трогательные, популярные еще в 1970-х, они, к сожалению, похоже сегодня стали достоянием истории, а, может, просто ждут своего возрождения.

Некоторые были сознательно убраны как политически некорректные, например веселая песенка следующего содержания: «Тэффи был валлиец, Тэффи был вор, Тэффи пришел ко мне домой и украл кусок мяса. Я пошел домой к Тэффи, его дома не оказалось, Тэффи пошел ко мне домой и украл мозговую косточку» (Taffy was a Welshman, Taffy was a thief, Taffy came to my house And he stole a piece of beef. I went to Taffy's house, Taffy wasn't at home, Taffy came to my house And he stole a marrow bone). Много сейчас выпускают средневековой английской музыки, приятной и хорошо гармонирующей с зелеными пейзажами. Есть и танцевальные народные мелодии, которые бодрят, хотя и несколько однообразны.

Вернемся к теме английского патриотизма и пресловутой английской ксенофобии. На самом деле никакой особенной неприязни у англичан к иностранцам не было и нет. Правда, в их культуре нет свойственного многим другим народам подчеркнуто внимательного или порой даже подобострастного отношения к гостям из-за границы, они относятся к приезжим во многом также как к соотечественникам, веж-

ливо, внимательно, с готовностью помочь, но без излишней задушевности и заискивания. Их ксенофобия – это скорее способ национальной самоидентификации, попытка выжить и сохраниться в современных условиях. Английский патриотизм сегодня в значительной степени действительно держится на противодействии мировым объединительным тенденциям, как противопоставление европеизации, глобализации, американизации и пр. Попытка остаться самими собой – вот что такое современный английский патриотизм и печально знаменитая ксенофобия.

В последние годы под напором внешних обстоятельств, все более активно настаивающих на подчинении Англии общеевропейским требованиям, этот самый патриотизм стал набирать силу. К числу активно патриотических, хотя эта активность и напористость, как ни парадоксально, и идут вразрез с английской традицией, относится, например, интересный журнал «Эта Англия» (“This England”), выходящий четыре раза в год и предназначенный, если верить рекламе «всем тем, кто любит этот зеленый и благой край» (слова из церковного гимна, часто вспоминаемого современными патриотами).

Самый большой интерес представляют собой передовицы, обращения редактора к читателю, поскольку остальная информация носит сентиментально-историко-культурный характер: о цветах и садах, о старых английских гостиницах, о старых почтовых ящиках, которых становится все

меньше, конечно же об охоте и рыбалке. Статьи редактора формулируют главные идеи журнала. Он не перестает сожалеть об уходе и тихом отмирании старых добрых английских традиций и привычек, о разорении ферм и фермеров, об умирании традиционных рыбацких деревушек, о проникновении современных космополитичных привычек в самое сердце родной страны – провинцию. И, конечно, указывает на главное мировое зло, угрожающее родной и любимой, и такой милой и патриархальной, по мнению редактора, стране – европейское сообщество и тех непорядочных соотечественников, которые из корысти или подлости идут на соглашательство с ним. Одна радость за несколько лет – всеобщее празднование юбилея королевы в 2002 году, показавшее национальную преданность монархии, ту преданность, в которой многие уже стали сомневаться. Редакционные статьи журнала являются квинтэссенция той Англии, которую мы представляем только по анекдотам.

Вот некоторые конкретные образчики журнальных сентенций. О рыбной ловле, приходящей в упадок в Англии, конечно же по вине врагов рода английского. Невинное поедание самого, пожалуй, традиционного английского блюда – “fish and chips” (жареная рыба с картошкой) – должно напомнить читателю о том, что «эта треска была скорее всего поймана испанской командой, которая проплыла тысячи миль от родного порта на север, чтобы в британских водах забрать полагающуюся им по решению европейского сооб-

щества долю морского урожая». Бедные же английские рыбаки этим же сообществом лишены права ловли собственной рыбы, кроме определенных дней в году, сидят кусают локти. «"Мануэль", – подчеркивает редактор, – и его амигос, должно быть, уже животики надорвали». (весна, 2003 г.).

А вот Рождество 2002 г.: сентиментально-трогательная картинка на обложке изображает семейную идиллию. Сельский дом, босоногий мальчик в пижамке смотрит на огонь в камине, мечтая о подарках, которые ему принесет завтра Санта Клаус. Его мама сидит рядом, на коленях уютно устроилась кошка, а в руке дымится кружка, видимо, горячего какао, которое ее чадо выпьет перед тем, как идти в постель. Умиленный редактор, вспомнив свое предвоенное еще детство, с грустью вздыхает: «Эта сцена столь типичная для нашего невинного английского вчера, и столь уже редкая сегодня, если она вообще еще возможна где-нибудь в этом постоянно меняющемся, все возрастающе вульгарном мире, где царствует телевидение».

Все эти высказывания, скорее наивные и трогательные, чем злые и агрессивные (да и кому из пожилых людей не свойственно вспоминать о старых добрых временах, когда и солнце светило ярче, и трава была зеленее, и люди добрее, да и сам моложе), интересны в то же время с точки зрения национальных ценностей, живых еще где-то в глубине «этой Англии». Они сами по себе хороший ответ тем, кто говорит сегодня о слиянии национальных культур и характеров под

воздействием объединительных глобальных сил. Да, унификация жизни действительно заметна, но в каждом обществе живо и сопротивление ей, желание сохранить свое национальное своеобразие. И англичане довольно активны в своем сопротивлении.

Существуют в современной Англии и специальные патриотические общества. Главным среди обществ подобного рода считается Королевское общество святого Георгия. Оно официально было организовано в Англии в 1894 году, хотя действовало еще с конца XVIII века в английских колониях – Америке, Австралии, Новой Зеландии, Канаде. Первоначальная цель его была помогать англичанам, живущим в колониях, в том числе и материально, если требовались, например, деньги для возвращения на родину. Среди его президентов было несколько выдающихся личностей, включая Р. Киплинга, а уж в вице-президентах ходили многие знаменитости от У. Черчилля до М. Тэтчер. Общество с момента основания находилось под патронажем царствующего монарха, соответственно сейчас ему покровительствует Елизавета II. Святой Георгий, почитаемый многими церквями и странами, в том числе уже много веков и Россией, считается покровителем Англии, от него на британском флаге красный крест на белом фоне.

Вполне практичные первоначальные цели ушли в прошлое, и сегодня Общество считает себя в большей степени хранителем моральных устоев английского общества. Вот

какими словами начинается информация об обществе на Интернет-сайте: «Вы англичанин? Вы гордитесь своей Страной и ее славной историей и наследием? Тогда почему бы вам не вступить в Королевское общество святого Георгия? Членство открыто для всех, кто разделяет нашу любовь к Англии и всему английскому. Вы можете принять активное участие в нашей миссии по сохранению Англии и укреплению морали и стабильности в нашей повседневной жизни».

Информационное письмо напоминает о заслугах и победах Англии, сетуя о том, как легко все это забывается, а одновременно уходят из общества лучшие черты английского характера – «хорошие манеры, деловая этика, доверие и честность», а также самоуважение и уважение к другим народам (идеалом, конечно, являются колониальные отношения в эпоху Британской империи). Вот шотландцы и ирландцы отстаивают свою независимость, а мы что, хуже? И так все разобрали, ничего не осталось – таков основной смысл призывов. Даже за язык, ставший сегодня языком международного общения, и то обидно: «Другие могут говорить и читать по-английски – более или менее, – но это наш язык – не их. Он был создан англичанами в Англии и остается нашим достоянием, как бы широко его не изучали и не использовали сегодня».

Правда, когда дело доходит до конкретных действий по восстановлению справедливости и отбиранию у мирового сообщества английского языка (кстати, не придется ли

англичанам тогда самим заняться изучением иностранных языков, чего они не очень любят), текст становится совсем невнятным. Единственное, что точно удалось понять, так это то, что «англичане любят собираться вместе, где бы они не находились, и праздновать различные даты английской истории». Поэтому члены Общества регулярно что-то празднуют, собираясь «на ланчи и банкеты», видимо, в зависимости от важности события, чтобы съесть «наши сосиски с пюре» и «пообщаться с единомышленниками». Так отчетливо видятся члены Общества, собравшиеся где-нибудь в Ковентри отмечать Трафальгарскую битву или битву при Ватерлоо, поедая сосиски с пюре и с серьезнейшим видом сетующие на упадок морали в обществе и нежелание молодежи отстаивать великие английские ценности.

И все-таки главным во всех этих патриотических обществах и изданиях, при всей их некоторой абсурдности и гипертрофированности, является не их существование, о котором помнят и знают не так уж много людей в самой Англии, а те идеи, на которых они зиждутся. Ибо даже те, кто пожимают плечами и морщатся при слове «патриотизм» (как мы помним в Англии не принято высказывать свои высокие чувства), все равно в глубине души верят, что сила страны – в сохранении и поддержании традиций, а опора – в славном историческом прошлом. Все остальное – от лукавого.

Сегодня в английском обществе появилась новая мода. Если раньше, приближаясь к пенсионному возрасту, каждый

англичанин начинал подыскивать себе домик в какой-нибудь уютной провинции, чтобы провести остаток дней, выращивая розы и играя в гольф с соседями, то сегодня такое убежище нередко ищут на континенте, чаще всего на юге Франции. Причин тому называется несколько: желание хотя бы на старости лет пожить в «нормальном» климате, дешевизна европейской жизни по сравнению с английской, хорошая еда. Да и вообще желание показать, что англичане не дикари какие-то, чтобы отгораживаться от окружающего мира. Сейчас еще не ясны результаты этой тенденции, но, исходя из английской истории, все будет хорошо, если, как и в случае с империей удастся привнести в другие страны свой мир, свои привычки, создать свою колонию соотечественников-единомышленников, чтобы было с кем нормально пообщаться, в противном случае массовым это движение никогда не станет – англичане не слишком хорошо адаптируются к чужой жизни.

Иностранцы же в Англии, как бы там не настаивали на собственной ксенофобии англичане, чувствуют себя легко и непринужденно; им не навязывают свои правила, т. к. в этой стране слишком ценят личную свободу; они редко чувствуют знаменитые по стереотипам высокомерие и снобизм; к ним относятся снисходительно, прощая ошибки в языке и поведении; чаще всего их просто не замечают. Англичанам нет нужды самоутверждаться на бедных туристах, они признают их право на существование. В гостинице вас обязатель-

но спросят из какой страны вы приехали, поговорят немного на эту тему, и все – живите дальше как хотите. Что многих вполне устраивает.

Правда, в английской культуре совершенно нет заигрывания с иностранцами, восхищения ими, некоего подобострастия, проистекающего часто от комплекса неполноценности или, еще чаще, из коммерческих соображений. Еще будущий военный министр в правительстве Александра II Д. Милютин, молодым человеком путешествовавший по Европе, сетовал, что «Вообще в Англии путешествующий иностранец не находит такой предупредительной услужливости, как на континенте».

Отсутствие подобной «услужливости» идет порой даже в ущерб коммерции и торговле. Так, в городе Страттфорде, на родине Шекспира, группа американских туристок вела себя совершенно неправильно с английской точки зрения: они шумели, экзальтированно повизгивали, беспорядочно бегали по сувенирному магазинчику, восторгались всем подряд и требовали, чтобы восторгались и все окружающие. Английская продавщица сохраняла совершенно каменное лицо, даже когда принимала деньги, и немалые, за многочисленные бессмысленные неликвиды, которые она, наверное, уже и не надеялась продать. Ничто не могло заставить ее приветливо улыбнуться – столь велико было ее негодование.

Известно, что англичане не любят демонстрировать своих

чувств и эмоций. Английская сдержанность давно уже стала предметом анекдотов и шуток. Внешние бурные проявления патриотизма, по мнению англичан, не соответствуют правилам хорошего тона. Что некоторых наводит на ошибочную мысль об отсутствии у них этого чувства вообще. Когда-то – когда Англия была центром огромной империи – быть откровенным патриотом было равнозначно тому, чтобы хвастаться собственным богатством или здоровьем или красотой. Да и понятие «родина» было очень широким. Сегодня, когда угроза быть поглощенными Европейским Союзом, или американской культурой, или тотальной глобализацией становится реальностью, патриотизм перестает быть пустым звуком. Все сильнее, пока что главным образом в провинции, говорят о необходимости возродить традиции «старой доброй Англии», вспомнить о былом величии и гордости.

Английская монархия

Важнейшей частью английской традиции является и монархия. Конечно, сегодня англичане немного комплексуют по поводу столь несовременного института, посмеиваются над ним, говорят, что скандалы, главным образом любовные, последних лет, в которых были замешаны члены королевской семьи, сильно пошатнули престиж монархии. Но все эти сомнения объясняются в значительной мере и тем, что эта самая власть, пусть и превратившаяся в декоративную, очень важна для англичан, и главным образом – для сплочения нации и для поддержания национального духа (ну невозможно же сплачиваться вокруг Тони Блэра!). Короли и королевы есть и в других странах – Швеции, Норвегии, Дании, Испании, но нигде они не вызывают такого комплекса и волнения как в Англии; в большинстве случаев их любят, но не замечают. Для англичан же этот вопрос жив и насыщен, как и прежде.

Смерть королевы-матери в 2002 году стала прекрасным свидетельством того, что в сердцах англичан живо детское, вошедшее в плоть и кровь, чувство к монархии. Горы цветов; толпы людей тянулись отдать последнюю дань более чем столетней старушке. Девочки в нарядных платьицах и белых гольфиках приносили трогательные рисунки с надписями «Мы тебя любим!»; пожилые, явно провинциального ви-

да пары отстаивали очереди, чтобы записаться в книгу памяти; даже язвительные английские журналисты смахивали непрошеную слезу. Старушка, пережившая свой столетний юбилей, смогла объединить нацию и показать, что почитание монархии в Англии все еще живо.

Нынешняя королева Елизавета II – личность, конечно, тоже незаурядная. Ее золотой юбилей был отпразднован страной посерьезнее многих национальных праздников в других странах. Были и торжества, и празднования, и многочисленные публикации в прессе, и бесконечные сувениры – тарелки, майки, кепки, открытки, кружки, пачки чая – все это с золотой короной, цифрой 50, а в идеале – и портретом героини.

Елизавета честно и по-королевски прожила свою жизнь. Образ, хранимый ей на протяжении вот уже более 50-ти лет, вполне соответствует представлениям англичан о том, какой должна быть их королева. Она подчеркнуто предана своему мужу, которому родила четырех детей, трех мальчиков и девочку. Она посещает все парады и торжества, машет ручкой и приветствует толпу всегда, когда это нужно. Она устраивает чаепития. Она любит цветы и животных. Словом, она делает все так, как и полагается добропорядочной англичанке.

И, как это часто бывает в жизни, ее замучила ее собственная семья, мало того, что без перерыва создающая обычные житейские проблемы, еще и подрывающая устои монархии. Декан факультета иностранных языков им. М. В. Ломоносо-

ва С. Г. Тер-Минасова, встречавшаяся и беседовавшая с королевой, говорила, что та произвела на нее впечатление умной, внимательной, но очень уставшей женщины, оживившейся только тогда, когда разговор коснулся ее детей.

Наследник престола принц Чарльз – фигура одновременно милая, трагическая и одиозная. Сын волевой матери, он никогда не был фигурой сильной и яркой, зато в полной мере воплощал любимые англичанами черты – страсть к занятиям спортом, любовь к охоте, жизни в провинции, к тому же он страстный садовод, что дорогого стоит в этой стране. Но в молодости с ним случилась неприятность, обычная для молодых людей – он женился. Его свадьба с Леди Дианой Спенсер была похожа на сказку: золотая карета, фантастическое белое платье невесты, весь Лондон в цветах. Диана, очень юная, улыбающаяся блондинка сразу завоевала симпатии общественности, к тому же она быстренько родила двух очаровательных здоровых мальчиков, а это в монархиях очень ценится.

Семейная идиллия – юная красотка, менявшая один наряд за другим (сегодня регулярно выставляются коллекции ее туалетов), два красивых мальчика и наследник, некрасивый, но очень английский – была довольно скоро нарушена. Кто прав, кто виноват в семейной жизни – дело темное, но факт остается фактом: принц был очень несчастен, любил свою старую подружку Камиллу (старую и в буквальном смысле тоже: она не только значительно старше прин-

цессы Дианы, но и немного старше самого Чарльза), старался побольше бывать вдали от семьи в Шотландии или еще где-нибудь – словом, перестал соответствовать английским идеалам. Большая часть населения сочувствовала его супруге – по-прежнему молодой, красивой (главное, очень нарядной), к тому же, судя по всему не без советов имиджмейкеров, увлекшейся благотворительностью. Диана среди больных СПИДом, Диана в африканской глубинке, Диана в окружении детей-инвалидов – все эти трогательные картины сначала работали на монархию. Пока не стало очевидно, что разрыв между супругами неизбежен.

После этого каждый из них жил своей жизнью – Чарльз подвергся всеобщему осуждению как чудовище, бросившее красавицу. Диана пустилась во все тяжкие, давала разоблачающие интервью прессе, меняла любовника за любовником, позволяла себе всякие выходки. Можно только посочувствовать королеве, страдавшей и как мать, и как хранительница престола.

Развязка наступила в результате ставшей широко известной трагедии. Принцесса Диана, севшая поздно ночью в автомобиль со своим любовником, сыном знаменитого арабского богача, разбилась в тоннеле в Париже. Такая смерть всегда является предметом пересудов – кто-то искал здесь «руку» Лондона, кто-то обвинял водителя в пьянстве, многие обрушились (и поделом, в любом случае) на журналистов, преследовавших пару в погоне за сенсационными

снимками. Как бы то ни было – принцесса Диана умерла и стала легендой. Сегодня, спустя несколько лет после ее гибели, сувенирные магазины по-прежнему заставлены кружками с ее изображением, а молодые японки, изнемогая от восторга, фотографируются с ее картонным изображением. Не утихают споры о том, кто она была: нервозная истеричка, сексуально озабоченная или святая, дарившая радость и покой людям. Не прекращается поток бывших любовников, зарабатывающих деньги на своих, пусть мимолетных, отношениях с принцессой.

Странным образом, после трагедии в корне изменилось отношение общества к бывшему супругу принцессы наследнику принцу Чарльзу. Оказалось, что он вовсе не злодей, третировавший красавицу, а пожилой уставший человек, который всю жизнь любит одну женщину (строгое английское общество простило даже это, за постоянство и верность), что он очень предан и прекрасно общается со своими сыновьями, которые ему платят искренней взаимностью.

Сегодня, конечно, с уверенностью можно сказать, что наследник «пересидел», он слишком долго ждал своего часа, слишком состарился в роли принца, чтобы быть хорошим правителем. Сейчас общество с надеждой смотрит на его сыновей. Прежде всего это наследный принц Уильям, герой прессы и юных девушек всего мира. Юный принц, во всяком случае в Англии, вполне успешно конкурирует по популярности (причем она растет год от года, даже месяц от месяца)

с известными рок музыкантами и знаменитыми футболистами. Его фотографии можно найти не только в любом журнале, но и буквально на каждом углу в английской столице. Его брат Генри тоже по-своему популярен: менее романтичный и красивый, он абсолютный англичанин – рыжий, без сантиментов, спортсмен, мечтающий о военной карьере (Уильям ищет себя в искусстве).

Есть и другие персонажи: уже старый муж королевы, трогательно все путающий и забывающий, над чем не слишком злобно насмехается пресса. В некоторых случаях даже тайно радуется – когда во время очередной премьеры ему представили Мадонну, он поинтересовался у окружающих: «А это кто такая, тоже артистка?» – чем доставил журналистам большое удовольствие. Есть дочь королевы принцесса Анна, чей брак с красавцем-офицером Марком Филиппом тоже начинался как красивая сказка. Сейчас, уже тихо разведясь и выйдя замуж вторично, принцесса, очевидно, является утешением старушки-матери, честно выполняя свои принцесские обязанности.

Второй сын королевы, принц Эндрю, также сплеховал с женитьбой. Его жена Сара, родившая двух очаровательных дочек, не прижилась в королевском доме, развелась, вылила ушаты помоев перед радостными журналистами, опомнилась, извинилась и стала зарабатывать деньги как телеведущая, писательница, журналистка, причем большую часть – в Америке, что не слишком радует окружающих. Наконец, по-

следний сын, принц Эдуард, женился поздно, недавно стал папой и пока что не успел слишком огорчить стариков-родителей.

Монархия в Англии сегодня не только красивая декорация, хотя это тоже немаловажно. Королева – глава англиканской церкви, а значит, хранительница нравственных устоев общества, ей дают присягу молодые новобранцы, она царствует, даже если и не управляет (а кто из правителей сегодня реально это делает?). Гимн страны по-прежнему «Боже, храни королеву». Официально в Англии нет «граждан» страны, а есть «подданные». В монархии видят основу будущего процветания страны английские националисты, ей симпатизируют, как показал юбилей королевы, самые широкие слои английского общества.

Живая история

Отличительной особенностью современной Англии является глубокое уважение, с которым англичане относятся к своей истории. Причем не просто как к величественному прошлому, которым можно гордиться, но которое ушло и не вернется и стало теперь достоянием горстки ученых-историков. Нет, английская история жива, культивируется и насаждается в виде старинных традиций (которые, как доброе вино, ценятся тем больше, чем они старше, даже если они довольно абсурдны для непосвященных), в виде просветительской работы по распространению знаний о своем прошлом, в виде консервации того, что сохранилось, и реставрации того, что исчезло.

Интерес к истории постоянно растет. И она активно популяризируется. Количество фильмов про Генриха VIII и его многочисленных жен увеличивается год от года на потребу английской публике, не устающей восхищаться своим всеобильным кумиром. Не угасла и память о Британской империи, правившей морями и землями по всему миру; хватать этим, конечно, не принято и не современно, но и забыть об этом не забыли.

Музейное дело в этой стране находится на высочайшем уровне, и не случайно. На каждом углу, за каждым поворотом, в каждом захолустье есть свой музей, и он никогда не

пустует, причем заполняют его прежде всего сами жители страны, с неизменным интересом изучающие особенности жизни и быта своих предков. Традиция посещения исторических домов и замков появилась в Англии еще в эпоху Елизаветы I, когда остальная Европа еще не представляла себе, что такое экскурсия. Владельцы богатых поместий в определенное время года, чаще всего когда сами находились в отъезде, открывали двери своих частных домов для всех, кто хотел «приобщиться к прекрасному».

Весьма показательной является деятельность такой известной в Англии организации, как «Национальный фонд» (“National Trust”). Масштабы и активность, а также успех этого добровольного некоммерческого общества впечатляют. Создана она была в 1895 году тремя английскими филантропами, озабоченными сохранением английской «береговой линии, сельской местности и зданий», находившихся под угрозой уничтожения. Время было выбрано правильное, с этого момента потихоньку, постепенно нарастая, шел процесс разорения крупных земельных владений, сильно подорванных вскоре во время Первой мировой войны и окончательно «добитых» после Второй мировой.

Разорявшаяся аристократия, в условиях нового послевоенного налогообложения не имевшая практически никакой возможности содержать свои родовые гнезда, находилась в сложном положении. С одной стороны, расстаться с фамильным домом было порой равносильно смерти, с другой – со-

хранение их было финансово невозможно, и постепенный процесс их гибели был очевиден. Некоторым, подобно маркизу Батскому, удалось переориентироваться и превратить свои поместья в развлекательный комплекс, приносящий деньги, – маркиз, в частности, завел диких африканских зверей и открыл одно из первых «сафари» под Лондоном. Конечно, все это означало всякую потерю любимой англичанами “privacy” (замкнутости, частной жизни), так как приходилось в буквальном смысле в собственном доме терпеть орды туристов, но зато помогало спасти свою собственность и продолжать жить в отчем доме.

Но для очень многих такой выход был невозможен – кому-то не хватало инициативы, кому-то средств, кому-то сил, кому-то мешали и принципы. В этой ситуации вариант, предлагаемый сотрудниками Национального фонда, представлялся оптимальным. Они брали поместье в свои руки, реставрировали, реорганизовывали его в музей и открывали для посетителей, а бывшим владельцам предоставляли в пользование часть их же бывшего дома. Подобная практика, сохранившаяся и по сей день, вполне устроила бывших владельцев: они могут жить в своем доме, а ремонтом крыши и реставрацией полов занимается организация.

Вот несколько весьма впечатляющих цифр. Сегодня в руках этого добровольного неправительственного общества, существующего главным образом за счет личных пожертвований, находится и открыто для посещения более 200 исто-

рических домов и садов, 49 исторических заводов, фабрик и мельниц, более 248 000 гектар лучших образчиков английской сельской местности и почти 600 миль красивейшей береговой линии. Иногда под покровительством Национального фонда оказываются целые деревушки, как, например, Лэкок под Батом, что приводит к весьма приятным результатам: ночевка в подобном месте дает непередаваемое ощущение историзма, приобщения к национальной культуре, даже при отсутствии каких-то ярко выраженных шедевров искусства и архитектуры. Просто самое новое здание в Лэкоке относится к XVIII веку, все остальное делится между XIII и XVI веками, но при этом деревня жива, все работает, и не как музей, где искусственно наряженные персонажи играют в жизнь. Нет, здесь в домах живут обычные люди, работают магазины, уютные пабы, да и сам ты можешь переночевать в гостинице XIV века.

Не все однозначно оценивают деятельность этой организации. Герцог Бедфордский потратил массу сил и времени, «спасая» свое родовое гнездо от Национального фонда. Все владельцам родовых замков он советовал: «Если у вас не хватает денег на то, чтобы жить в нем, найдите небольшой капитал и вручите свое жилище Национальному фонду, который сделает все умело и с ледяным вкусом, так что дом перестанет быть домом и превратится в памятник или музей. Но если в вас немного маниакальности сочетается с естественным

природным инстинктом хранить ваш уголок – действуйте»³.
Действительно, появление этой организации на сцене каждый раз в тот трагический момент, когда разоряется очередное гнездо, когда люди вынуждены расстаться со своими корнями, с вещами, которые из поколения в поколение жили в их доме и семье, которые держали в руках их деды и прадеды, но которые уже никогда не достанутся их внукам и правнукам, подчас вызывает раздражение. С другой стороны, справедливости ради надо сказать, что герцог был не прав: Национальный фонд прекрасно ведет дела, высокопрофессионально реставрирует здания и, в сущности, спасает британское наследие от разорения и разбазаривания.

Все места, находящиеся в руках Национального фонда, очень хорошо и единообразно организованы. Музеи прекрасно оборудованы и поддерживаются усилиями профессионалов. Кроме этого ежегодно около 38000 добровольцев помогают обществу в работе. Сегодня рекламируется даже особый вид отдыха – ты можешь поехать в любое, принадлежащее фонду место и бесплатно там поработать – или садовником, или смотрителем музея, или рабочим на раскопках. Говорят, что число желающих все возрастает.

Хорош и сервис. Непременная традиционная «Чайная» (Tea rooms) с бутербродами и плюшками всегда и горячей едой во время ланча. Утверждают, что в этих местах восстанавливают старинные рецепты приготовления пищи.

³ Все цитаты из воспоминаний герцога Бедфорда перевод Т. Л. Черезовой

В крупных музеях есть еще и ресторан. Большой популярностью пользуются сувенирные магазины фонда, являющиеся сущим наказанием для кошельков туристов, потому что они предлагают все, что ты увидел в музее, только в современном исполнении – посуду, украшения, косметику, интересные книги по истории. Причем многие вещи выпускаются специально для сети магазинов фонда, и в других местах их купить нельзя. Сегодня Национальный фонд пробует свои силы в новом виде сервиса – они предлагают в аренду сотни домов в самых разных уголках Великобритании, так что туристы по сходной цене могут провести неделю в доме с камином, какого-нибудь позднего XVIII века, в котором любовно сохранены (а чаще всего вновь воссозданы, но так, что и не отличишь) все признаки красивой аристократической жизни.

Заплатив относительно небольшую сумму – от 34 (индивидуальное) до 62.50 (семейное – за двух взрослых и всех детей до 18 лет) фунтов за членство в год (сумма действительно небольшая, учитывая стоимость входных билетов в английские музеи), ты становишься членом этой организации и получаешь право бесплатного прохода во все принадлежащие ей музеи, подписку на информационный листок, скидку при покупке сувениров и многое другое. Причем год от года предложения стать членом Национального фонда становятся все более настойчивыми, не сказать бы агрессивными. Если раньше при входе в музеи просто лежали информационные

листочки, то теперь сидят специальные люди (или эти функции выполняют билетные кассиры), которые в прямом смысле агитируют за это членство. Хотя, как было сказано раньше, число любителей сохранения истории и так неуклонно растет год от года. Сегодня число добровольных членов этой организации уже превысило 3 миллиона, а дубовые листочки, ее символ, развешаны по всей Англии, указывая на то, сколько мест находятся под ее покровительством.

Есть и другие подобного рода организации, например «Наследие» (“Heritage”), также активно занимающееся сохранением памятников и рекрутированием новых членов, и многие более мелкие, в том числе региональные. Сохранение и, что не менее важно, пропаганда истории в Англии сегодня занимают едва ли не ведущее место в общественной жизни. Конкурировать с этим может только охрана животных, но в последнее время, пожалуй, история вырвалась на первое место.

Интересно обратиться к английским журналам. Очень ярко иллюстрированный и одновременно весьма научно обстоятельный, хотя и ориентированный на широкого непрофессионального читателя, журнал “BBC History”, как видно из названия являющийся детищем крупнейшей британской информационной корпорации, имеет характерный девиз, помещенный на первой странице: «Историю – в жизнь» («Bringing history to life»). Мало этого, не так давно стало выходить регулярное приложение к журналу «History

Live!» («Живая история!»), содержащее советы, куда можно поехать, что посмотреть, какие музеи и выставки посетить. В нем предлагаются тематические исторические экскурсии по различным уголкам Англии, да и не только, причем «гидами» в таких турах являются профессора британских университетов. Например, поездка в Италию, столь любимую англичанами – «Италия этрусков», с посещением всех важнейших достопримечательностей и лекциями по вечерам.

А не так давно, следуя за веяниями моды, стал выпускаться совсем новый журнал «Живая история» («Living History»), рожденный, как его представляют, из двух английских страстей – к истории и к исследованию мира. Он предназначен тем, «кто хочет вжиться в историю, посетить места, где делалась история, понять как жили раньше люди», то есть очень многим в сегодняшней Англии. Причем этот журнал практически полностью посвящен исключительно английской истории. Он также рассказывает о местах возможных воскресных поездок, об археологических раскопках, в которых любителям можно принять участие, о таких уголках, которые принято называть «забытыми», если, конечно в Англии можно что-то «забыть». Есть интересные находки и рубрики: «Как мы жили» – современные традиции с исторической перспективой; «Один день из жизни...», например, солдата армии Веллингтона, воевавшего с Наполеоном; «Мое любимое место», где разные выдающиеся люди рассказывают, какое историческое место в Англии является их

любимым и почему.

Но история жива и внедряется не только через исторические журналы. Журнал «Поле» (“The Field”) совсем даже неисторический, но какой стариной (не сказать бы «вчерашним днем») от него веет! «С 1853 года наши писатели и читатели определяют британские традиции охоты на птицу и дичь и рыбалки. Ибо мы всегда все делаем правильно: стреляем ли по летящему фазану, забрасываем ли удочку на речную форель или берем на мушку оленя в покрытых туманом болотах. Ну или почти всегда. Иногда наши лабрадоры и спаниели забывают хорошие манеры и бунтуют. Иногда, находясь среди друзей, мы не можем удержаться, чтобы не выстрелить вверх первыми, отбирая, таким образом, их законную добычу. Иногда, заглянув в Ирландский бар после охоты, мы выпиваем слишком много Гиннеса, смеемся слишком громко и курим очередную сигарету, хотя и пообещали себе бросить». Словом, это журнал для тех, кто любит «охоту, рыбалку, дичь, охотничьих собак и землю».

Конечно, как и везде, больше всего историей интересуется старшее поколение, а уж для пенсионеров все многочисленные, прекрасно оборудованные музеи – это просто кладезь. Но и молодежи много, прежде всего семейной, с маленькими детьми, которые сидят порой даже еще в колясочках. Даже организация Национальный фонд отметила, что сегодня быстрее всего увеличивается семейное членство. Укрепилась как-то в обществе в целом мысль, что изучение исто-

рии – вещь воспитательно очень важная и нужная.

История жива и пронизывает все стороны английской жизни. Так, ни в одном университете мира нет такого количества условностей и исторических традиций, как в английском. Выдача мантий для церемоний проводится в строго определенных комнатах – отдельно для профессоров, отдельно для докторов, отдельно для сотрудников без степени, никакого демократизма здесь невозможно представить. Торжественный ужин по любому важному поводу немислим без фрака и бабочки, даже если многим приходится брать их напрокат. Прекрасные зеленые лужайки в Кембриджском университете могут топтать только те, кто принадлежат к профессорско-преподавательскому составу, о чем предупредительно сообщают расставленные повсюду таблички, остальные должны ограничиваться дорожками. Во время ежедневных совместных обедов, проходящих в старинных высоких залах, при свечах, со столами, уставленными музейной утварью, каждый, от студента до ректора, занимает определенное место согласно его положению в коллективе. И опять все это вызывает непонятную зависть и уважение тех, кто не принадлежит к этому иерархическому обществу.

Британские университеты со всей серьезностью относятся к поддержанию ритуалов, возникших в XVI, XVII или каком-нибудь еще столетии. Еще совсем недавно в солидных университетах некоторые профессора пускали на свои лекции студентов исключительно в мантиях, а для опреде-

ленных видов итоговых экзаменов подобная форма сохранилась до сих пор. Известны случаи, когда и студенты, и профессора жарким летним днем едва не теряли сознание, парясь в толстых длинных декоративных одеяниях, но разрешения снять их от руководства так и не получили. Церемония выпуска представляет собой пышное театральное действо, которое, вместе с тем не кажется искусственным или чрезмерно помпезным. Такое впечатление, что все эти люди родились для того, чтобы ходить в париках, профессорских шапочках, произносить столетиями повторяемые формулы и слова. При этом они остаются вполне современными людьми, ироничными по отношению к собственному миру, но в то же время преданными ему и тайно им гордящимися.

Можно сколько угодно смеяться над затхлостью ритуалов английских университетов, но всякий, кому посчастливилось быть гостем Оксфорда или Кембриджа, испытывал острое чувство не то чтобы зависти, но какой-то тоски – «какая у людей жизнь интересная!» Разве не заманчиво учиться не в бетонной коробке, а в старинном красивом здании, жить в таком же, сидеть в библиотеке, где на старинных деревянных полках до потолка стоят старинные фолианты (хотя есть и очень современные библиотеки с самыми новейшими изданиями), плавать на лодке с шестом по узкой реке, выходящей между исторических зданий, как твои предки не одно столетие до тебя. Вечером собраться в огромной старинной зале на вечернюю трапезу, где все занимают места согласно поло-

жению, – профессора и преподаватели за одним столом повыше, студенты – пониже. И не важно, чем кормят – блестит серебро, которое вот уже, скажем, 200 лет кладут на этот самый стол, переливается хрусталь, пусть даже наполненный дешевым вином, горят свечи, так как нельзя нарушать гармонию и проводить электричество.

Нет, против этого трудно устоять. Хотя все вместе это и кажется частью художественного фильма из жизни английской аристократии, это очаровательно и настолько притягательно, что начинаешь чувствовать себя частью общего действия. А обращения «сэр», или «мадам», или не сохранившиеся у нас (только в шутку) «профессор», хотя и звучат старомодно, но действуют возвышающе.

Стремление противопоставить исторические национальные традиции неудержимо наступающей глобализации – характерная черта современной эпохи. Но в Англии этот процесс совпал и с зовом души. История и исторические традиции – это та основа, которая поддерживает национальную самобытность Англии, которая сохраняется, культивируется, а теперь даже еще и возрождается в тех случаях, когда англичане проявили непростительную забывчивость. Хотя это и отнюдь не означает примитивной идеализации истории, а осознание недостатков, не делает ее менее привлекательной.

Еще в первой половине XIX века шотландский историк Томас Бабинтон Маколей, написавший обстоятельную историю Англии, иронизировал: «У нас весьма модно относить

золотой век Англии к тем временам, когда даже знать не имела тех жизненных удобств, без которых ныне не обходятся даже лакеи, когда фермеры и лавочники ели такой хлеб, один вид которого вызвал бы бунт в современном рабочем доме, а перемена белья раз в неделю была привилегией аристократии. ...Но, возможно, в двадцатом столетии будут завидовать и нам и говорить о правлении королевы Виктории как о времени воистину старой доброй Англии, когда все сословия были соединены братским сочувствием, когда богачи не угнетали бедных, а бедные не завидовали богатству». И он оказался прав.

Англичане не просто любят историю, они еще и получают от нее удовольствие. Здесь вы можете пожить в истории, причем не искусственно и фальшиво, а вполне естественно, как будто все это не ушло в далекое прошлое, а живо до сих пор. Легко переночевать в гостинице семнадцатого века, выпить пива в пабе восемнадцатого. То же самое относится и ко многим другим местам, ресторанам, магазинам, целым городкам и деревушкам, которых время, кажется, и не тронуло. Все в них так и веет стариной.

Порой увлечение стариной доходит до абсурда. Вывески и рекламы самых разных заведений завлекают посетителей именно стариной, так что на центральной улице маленького городка вы можете оказаться в окружении надписей типа: «мороженое по бабушкиным рецептам», «традиционная английская чайная», «старый добрый сидр», «магазин старых

безделушек» и т. д. Одна английская карикатура изображает туриста, окруженного подобного рода надписями. Он спрашивает проходящих мимо англичан: «Скажите, а есть здесь что-нибудь новое?» В ответ на это все прохожие англичане смотрят на него с ужасом и негодованием.

Популярен в Англии магазин «Старые времена» (Past Times), причем не только среди туристов. Идея его проста: продажа вещей, восстановленных по старинным рисункам и описаниям. Здесь можно купить рамочку для фотографий викторианской эпохи, или подушечку эпохи Тюдоров, или ночную рубашку елизаветинских времен. Ну и, конечно, раздолье здесь мастерам-ювелирам: в большом количестве они воссоздают украшения от кельтских времен до стиля модерн начала XX века. В этих магазинах всегда толпится народ, а даже недорогой подарок, купленный здесь, всегда ценится англичанами как знак хорошего тона.

Англия – страна превосходно организованных музеев. Их много. В какую бы глушь вы не забрались (а как ни странно на давно заселенном острове такие места все еще встречаются) везде будет что-то любопытное. Причем музеи в Англии самые разные. Вершиной, безусловно, являются английские усадьбы и парки. Уникальное сочетание прекрасно сохранившихся и еще лучше сохраняемых памятников старины, архитектуры, быта, садового дела с ощущением жизни (во многих до сих пор живут, в качестве владельцев или съемщиков хозяева с громкими титулами), приправленное превос-

ходно развитой туристической инфраструктурой, дает прекрасные результаты.

Музеи не просто выставляют произведения искусства напоказ, их задача, как правило, еще и вовлечь посетителя в созданный в них мир, сделать его не просто наблюдателем, а участником той жизни, которая сохранилась до наших дней. Поэтому здесь часто устраивают разного рода действия (летом в крупном музее в воскресенье вы неизбежно попадете на какое-то событие), представления, рыцарские турниры, воспроизводят исторические игры и сражения. Для маленьких детей принято организовывать отдельные развлечения, когда, например, наряженный в старинные одежды сказочник рассказывает им сказки или на Пасху все дружно ищут спрятанные в парке крашеные яйца.

Кроме традиционных музеев, связанных с темой искусства, в Англии «музейными» становятся и многие другие места: поля сражений, виноградники, целые деревни, центры по производству сыра, сидра, эля, фарфора, закрытые и работающие металлургические заводы и ткацкие фабрики – словом, всего не перечислишь. Здесь из всего умеют сделать интересное и познавательное мероприятие. А кроме этого, помимо пользы, вы всегда получите здесь удовольствие. Англичане умеют обращаться со стариной. И везде, в каждом музее, в каждой самой маленькой церкви, саду или парке – вы можете купить цветную брошюру, рассказывающую об этом месте. Не говоря уже о большом количестве самых раз-

ных сувениров.

Английское удовольствие и одновременно наказание для кошелька – маленькие магазинчики в провинциальных городах. Они набиты всякой забавной, милой и бессмысленной всячиной, обычно в сентиментально-старинном или деревенском стиле, так что удержаться очень трудно. Потом, покинув очередной старинный магазинчик, наполненный удивительными ароматами, так как в них часто продают любимые англичанами цветочные одеколоны и разного рода ароматизаторы, ты долго гадаешь, зачем тебе так уж понадобился какой-нибудь украшенный виньетками блокнотик или обертка для подарков с васильками, или держалка для салфеток в виде зайчика, или салфеточка, вышитая ландышами.

Женщины подвергаются здесь особому соблазну, так как Англия – царство фарфора и всякого рода посуды. Причем традиционно-классической, тонкой, изящной, о которой втайне мечтает даже самая яростная поклонница модерна. Чего только стоит один великолепный Веджвуд – знаменитый фарфор, имеющий давнюю историю, его производство началось еще в XVIII веке. Любители могут посетить фабрику по его производству (старинную, разумеется) в городе Стоук-он-Трент (Stoke-on-Trent) и не только познакомиться с историей и технологией производства этого великолепного фарфора, но и полепить сами. История в Англии действительно жива, и ее в буквальном смысле можно потрогать ру-

ками.

Во что верит англичанин

Один из сложнейших вопросов английской жизни – о месте, которое занимает в ней религия. Известно, что даже церковь в Англии своя собственная, англиканская, независимая ни от кого извне, и хотя считается, что введена она была сластолюбцем Генрихом VIII для того, чтобы иметь возможность жениться столько раз, сколько ему захочется, очевидно, что по своему духу и характеру она оказалась близкой и понятной населению.

Христианство в Англии имеет давнюю историю. Настолько давнюю, что историки не называют даты крещения страны, как это бывает в тех случаях, когда христианство было принято уже в поздний период. Существует предание, согласно которому юный Иисус приезжал сюда вместе с дядей своей матери Иосифом Аримафейским, впоследствии убежденным последователем его идей, который был состоятельным и деловым человеком, закупавшим в Англии олово. Знаменитый английский поэт и мистик Уильям Блейк (1757–1827), подобно многим своим соотечественникам, считал это возможным в истории такой великой страны, как его Англия, и написал знаменитое стихотворение: «На этот горный склон крутой / Ступала ль ангела нога? / И знал ли агнец наш святой / Зеленой Англии луга?» Это в переводе С. Маршак, а в оригинале еще более певуче: “And did those feet

in ancient time / Walk upon England's mountains green? / And was the holy Lamb of God / On England's pleasant pastures seen?"

Именно Иосиф собрал капли крови распятого Христа в кубок, из которого Иисус пил вино во время тайной вечери, после чего, гласит легенда, уехал в Англию и увез его с собой. Чаша Грааля – такое название получил этот кубок, и ее поиски стали одним из самых любимых сюжетов английских легенд и сказаний. Считается, что в месте, где она была зарыта в английском городке Гластонбери, забил святой источник, окруженный и по сей день особой святостью, многочисленными легендами и красивейшим садом, где все, даже самые обычные, цветы достигают огромных размеров. Много веков сюда приходят целить и тело, и душу. Вода, текущая неизвестно откуда (многие считают, что начало источника находится далеко от Гластонбери), – чистая, прозрачная, а поскольку в ней много железа, то она окрашивает все вокруг в красный «кровавый» цвет, подобный каплям христовой крови, собранной в Грааль.

Иосифа Аримафейского считают и основателем первой церкви в Гластонбери, где, возможно, он и спрятал Чашу. Кроме этого, в том месте, где Иосиф воткнул свой посох, вырос терновник, цветущий два раза в год – весной и на Рождество, букет из него по старинной традиции до сих пор в рождественский праздник дарят королеве. Рассказывают, что противники традиционной английской церкви, пытав-

шиеся в разные периоды срубить святое дерево неизменно терпели неудачу: одного ослепило щепками, другой промахнулся и отрубил себе ногу.

Когда в XVII веке в Англии шли споры о новом, григорианском, календаре, то гластонберийский терновник использовался как подтверждение правильности сохранения старого календаря, ибо расцветал он точно в ночь на 25 декабря. Когда же в 1752 в конце концов Англия приняла новый календарь и передвинула свою жизнь на 11 дней, большое число людей, если верить “*Сомерсет Ивнинг Пост*”, пережило разочарование, так как куст так и не расцвел в Рождество по новому стилю, пришлось ждать до 6 января. Правда, его «потомок» (считают, что оригинальное дерево погибло во второй половине XVIII века) судя по всему адаптировался к новым условиям, так как достоверно известно, что королевский рождественский завтрак сегодня украшается его цветами.

Гластонбери вообще является местом необычайно интересным и характерным для английской религиозной идеи. Здесь тесно переплелись правда и вымысел, мифы и пророчества, раннее христианство, язычество, расцвет монастырской жизни и падение монастырей, реформация, духовность, новые веяния и старые традиции. Что-то особенное сохранилось по сей день в руинах когда-то могущественного гластонберийского аббатства, которое в течение многих веков собирало паломников со всей страны и достигло необычно-

венной мощи. Сметенное с лица земли по воле самого самовольного из всех английских монархов, оно прекратило свое существование и лишь в последнее столетие было возвращено к жизни как памятник вере, терпимости, человеческой прихоти и победе вечного над сиюминутным.

Кроме этого в Гластонбери, как считают многие, похоронен и король Артур со своей женой Джиневьевой. Их могила была мистическим образом обнаружена в XII веке и стала местом паломничества, а потом также мистически исчезла после разорения монастыря. Сейчас на предполагаемом месте захоронения стоит табличка, также привлекающая многих.

Наконец, именно здесь возвышается загадочный Тор, холм высотой 158 метров, по традиции считающийся местом, излучающим особую энергию. Археологи находят здесь следы культовых сооружений еще 3 тысячелетия до нашей эры и связывают это место с другими древними памятниками, такими как Стоунхендж и Авбери. Поговаривали даже об искусственном происхождении холма. Позже это стало местом поклонения кельтов, считавших, что здесь находится вход в иной мир и называвшими эти места Авалонном. Христианство также признало мистический дух Тора, и здесь была сооружена церковь архангела Михаила, средневековая колокольня которой по сей день украшает мистический холм.

Наконец, в последние годы Гластонбери стал местом

паломничества приверженцев, так называемого, движения «New Age» («новое время»), представляющего собой смесь всего на свете – христианства, язычества, буддизма, астрологии. Все это круто замешано на мистике. Сторонники этого движения сегодня прочно оккупировали город – здесь множество магазинчиков, продающих специальную литературу, карты для гадания, кресты, ароматные свечи, статуэтки Будды и т. д.

Люди странного вида в пестрых одеяниях, напоминающие цыганские (у женщин широкие длинные юбки, гипюровые кофты, одетые по принципу «из-под пятницы суббота»; все это пестрое и в блесках), заполняют улицы городка. Они лежат в глубоком раздумье у святого источника, взбираются на Тор, чтобы воспринять мистическую энергию, словом, живут напряженной жизнью. Впечатление на окружающих производят странное. Говорят, что одно время обстановка в городе была сложной в связи с тем, что Гластонбери по-прежнему является одним из наиболее почитаемых христианских мест, но сегодня вроде все успокоилось и сосуществуют бок о бок.

Вернемся к христианству в Англии. Достоверно известно (об этом свидетельствуют разнообразные исторические и археологические данные) что христианство пришло в Англию вместе с римскими войсками. Правда, о серьезном распространении христианства в стране говорят только начиная с IV века, с 304 года страна обзавелась своим собствен-

ным местным мучеником праведником Олбаном, жившим в предшествующем столетии. В VI веке папа Григорий Великий послал своего посланника Августина, обратившего в христианскую веру только за один год 10000 язычников. За его активную миссионерскую деятельность в городе Кентерберии он был возведен папой в сан архиепископа Кентерберийского. По традиции до сих пор этот титул принадлежит верховному иерарху английской церкви. Вот она, приверженность традициям, многое изменилось в церковном устройстве с тех далеких времен, а звание сохранилось.

Генрих VIII, король, вызывающий неизменное восхищение у англичан, возможно, в силу того, что он отважился иметь шесть жен, пусть даже и не в одно и то же время, многое изменил в английской жизни, в том числе и церковное устройство. Все началось с того, что Генриху очень не везло в личной жизни. Сначала он женился на вдове своего брата Катерине Арагонской, которая была старше, образованнее и красивее его, к тому же дочерью могущественных испанских монархов Фердинанда и Изабеллы. Она родила королю дочь Марию (в последствии «Кровавую») и разочаровала его. Он жаждал наследника. К тому же юная и прекрасная Анна Болейн вошла в его сердце. Поскольку папа римский отказывался дать королю развод, пришлось с ним порвать и провозгласить независимость английской церкви.

Анна также родила королю дочь – будущую великую Елизавету I, но и она таким образом сильно огорчила короля,

за что и сложила голову на плахе. Третья жена родила наконец-то долгожданного сына Эдуарда и умерла сразу после родов. Немецкая принцесса, ставшая четвертой супругой короля, продержалась совсем недолго, она не смогла разжечь в нем страсть, зато сохранила голову, согласившись считаться его «сестрой». Юная и живая пятая жена слишком сильно разожгла стареющего короля, тут же нашлись доброхоты рассказавшие о ее похождениях, возможно, и мнимых, но головы она вскоре лишилась в прямом смысле. Последняя, шестая жена, Кэтрин Парр, оказалась наиболее терпеливой и мудрой среди других. Она жалела постаревшего короля и пережила его, хотя и не надолго. Неожиданным следствием всех этих перипетий в личной жизни короля стало создание в Англии своей, особой, независимой от Рима церкви, главой которой являлся сам король, что было крайне удобно в тех случаях, когда монарху требовался развод, – право, которым, впрочем, больше никто так и не воспользовался.

Такова популярная версия, которая очень нравится самим англичанам. На самом деле можно поискать и другие – политические, духовные, даже экономические причины этого события, случившегося вскоре после начала реформации во многих европейских странах, но почему бы не сохранить легенду такой, как она есть, если она так любима местными жителями? Пусть у них сохранится хотя бы один удалой, бесшабашный и откровенно любвеобильный король.

В апреле 1536 года, на 27 году правления короля Генри-

ха VIII, по Англии было разбросано более 800 монастырей с 10000 обитателями. Через четыре года – ни одного. И это при том, что не было издано указа, запрещающего монастырскую жизнь, не было приведено никаких резонных доводов против нее, а ученые до сих пор спорят о причинах столь категоричных мер. Монастыри не оказывали значительного сопротивления реформам короля: принятый в 1534 году Акт о супрематии (Act of Supremacy), провозгласивший монарха светским главой англиканской церкви, официальный разрыв с римско-католической церковью при сохранении ее догматов и обрядов не вызвал заметного сопротивления (не считая знаменитых Томаса Мора и Джона Фишера, но с ними проблема была решена быстро и кардинально). То есть никакой реальной угрозы власти здесь не было.

Остается материальный фактор, действительно, корона много выиграла на роспуске монастырей, значительная часть имущества которых была передана в казну, а многие из них были переданы в награду верным слугам короля. Как бы там ни было, но невольно вспоминается восстание Соловецкого монастыря против реформ Никона, длившееся 8 лет, – это в одном только монастыре и против незначительных изменений. В Англии же вопрос был полностью улажен и закрыт по всей стране всего за четыре года, причем к крайним мерам прибегали не слишком часто, только по мере необходимости. Это ли не свидетельство врожденной любви к компромиссам!

Новая церковь во многом вызывала возмущение как католиков, так и протестантов вне Англии. Особенное негодование вызывал тот факт, что главой церкви являлся король, в то время как в других странах – светская и духовная власть, как правило, были раздельными. Англия и в этом вопросе продемонстрировала преданность идее монархии, сплотив вокруг этой фигуры не только государство, но и народный дух.

Шотландский историк XIX века Томас Бабинтон Маколей дал следующую оценку ситуации, сложившейся в стране в результате реформации церкви: «Устройство, учение и обряды Англиканской церкви до сегодняшнего дня сохраняют все видимые признаки породившего ее компромисса. Она занимает среднее положение между церквями Рима и Женевы. ...В общем, по сравнению с Римской церковью она обращалась больше к разуму, чем чувствам, но при сопоставлении с другими протестантскими церквями – Шотландии, Франции и Швейцарии, значение в ней эмоций и воображения было несравненно больше».

Интересно, что в России была распространена идея об особенной религиозности англичан. В этом даже находили сходство между нашими, такими разными, странами. Славянофил А. С. Хомяков писал из Лондона: «Главную основу английской жизни есть бесспорно жизнь религиозная. Сотни миссионеров, разносящих Слово Божие по всему земному шару, и проповедников, борющихся с неверием поверх-

ностной философии, суть только проявление общего духа и общего стремления». Он описывал друзьям уличные сценки, когда самые разные люди, увиденные им, в самых разных формах проявляли свое глубокое религиозное чувство. «... И это напомнило мне нашу святую, богомольную Русь», – заключил Хомяков.

От самих англичан сегодня нередко можно услышать, что церковь не играет большой роли в их жизни. И внешне это действительно так: редко, только на праздники, да и то в провинции, собирается в церкви сколько-нибудь заметное число народа. Однако, вот парадокс: принципы, по которым живут англичане (жизнь не для удовольствия, секс греховен, трудности телесные укрепляют душу, еда не должна занимать слишком много места в жизни, а лишь насыщать и т. д.), – как раз те, к которым призывают свою паству большинство церквей.

В Англии действительно не принято демонстрировать свою религиозность, впрочем, как и чувства вообще. И не потому, что ее скрывают, нет, просто живут по определенным правилам, уже и не задумываясь об их истоках. Даже лица духовные не делают культа из своей веры и воспринимают ее просто как неотъемлемую часть своего существования. Один журналист рассказывает, как он однажды спросил епископа Оксфордского, во что надо верить, чтобы стать членом его церкви. «Интересный вопрос», – задумчиво ответил епископ с таким видом, как будто ему такая мысль и в

голову прийти не могла, «ну это зависит от ситуации» (любимое англичанами и непереводаемое “It depends”).

Одна английская писательница недавно сравнила поход в церковь на Рождество с процессом чистки зубов, имея в виду его естественность и привычность. Заметим также, что даже тот, кто не чистит зубов, знает, что это не хорошо и скрывает это. Для англичан в религии и церкви нет тайны, мистики – протестантская церковь вообще отрицает все чудесное. Здесь нет культа мощей, икон, веры в чудеса. Рассчитывать приходится только на себя и свои силы, в трудную минуту обратиться некуда. Конечно, это не могло не отразиться на национальном характере. А может быть, наоборот, такая вера больше соответствовала английским вкусам?

Отсутствие пафосности и экзальтированности в вопросах религии отнюдь не исключало наличия своих национальных героев, мучеников веры, даже среди людей, далеких от официальных церковных постов. Трогательной и показательной является, например, история юной Джейн Грей, послужившая сюжетом для многих романтических романов и фильмов. Обычно ее мало связывают с религиозными проблемами, а вместе с тем она в каком-то смысле, может быть, более показательна и интересна, чем судьбы зрелых церковников, пострадавших за свои убеждения. Джейн стала типичной жертвой своего беспокойного времени. После смерти Эдуарда VI, единственного сына Генриха VIII, вопрос о престолонаследии оказался весьма запутанным благода-

ря прежде всего самому королю-женолюбу, последовательно провозгласившему незаконнорожденными двух своих дочерей Марию и Елизавету. В борьбе за власть этим воспользовалась одна из придворных группировок, и королевой была провозглашена внучатая племянница грозного короля 16-летняя Джейн Грей, вошедшая в историю как «королева девяти дней» – ровно столько продолжалось ее царствование.

Мало что известно о жизни Джейн, до того как ее решили сделать королевой, хотя и многое придумано и додумано в последующие эпохи. Известно, что она получила строгое воспитание и прекрасное образование, знала латынь, древнегреческий, французский, итальянский и арабские языки, хорошо пела и играла на музыкальных инструментах, складно писала, много читала, разумно рассуждала, отлично вышивала, не любила светскую жизнь, не хотела быть королевой, от всего сердца привязалась к своему мужу, с которым оказалась разлученной всего через месяц после свадьбы, и, главное, была воспитана в новой реформированной религии. Оказавшись в заключении в Тауэре, несчастная, покинутая всеми, даже родным отцом, искавшим спасение в служении новой королеве, она находила утешение в своей вере и силе духа. Вскоре последовал суд, приговор, а через полгода и казнь, причем не только ее, но и мужа, его братьев и свекра-интригана, втянувшего всю семью в политическую борьбу. Вступившую на престол королеву Марию не зря впоследствии прозвали «кровавой».

Одним из важнейших вопросов для королевы Марии, являвшейся яростной приверженкой католицизма, был вопрос о возвращении заблудших душ в лоно истинной церкви. Однако ничто не могло поколебать религиозных убеждений семнадцатилетней леди Джейн. В одном из писем своей сестре из тюрьмы она раскрывает секрет стойкости своего духа: «Моя славная сестричка, еще раз позволь мне умолять тебя научиться встречать смерть, отречься от мира, посрамлять дьявола и презирать плоть, и находить радость только в Господе. Кайся в своих грехах, но не отчаивайся; будь стойкой в своей вере... Сейчас, когда я смотрю в лицо смерти, возрадуйся так, как радуюсь я, моя дорогая сестра, что буду избавлена от всего тленного и сольюсь с нетленным... Прощай еще раз, моя дорогая сестра, уповай только на Господа, единственного, кто тебе помощь. Аминь. – Твоя любящая сестра Джейн Дадли» (Дадли она стала по мужу, Гилфорду Дадли, казненному с ней в один день). Джейн умерла спокойно и с достоинством, сохранив верность своим убеждениям. Ей суждено было стать героиней романтически-любовных историй, а не нравоучительно-религиозных, но твердость ее веры, стойкость духа, оставшиеся практически незамеченные историей, не могут не вызывать восхищение и уважение.

История и судьба страны, а также и характер народа, ее населяющего, определили и некоторые другие особенности местной веры. Так «бремя белого человека» и имперский настрой породили значительное число миссионеров, несших

слово Божие, а вместе с ним и зачатки европейской цивилизации в отдаленные уголки планеты.

На протяжении всей истории здесь постоянно возникали и сосуществовали, иногда мирно, а иногда и не очень, различные течения и направления. Англия породила квакеров и пуритан, “высокую” и “низкую” церковь, методистов и последователей «нового времени», а также многих-многих других. Если в других странах, например в России, христианство было принято сразу и навсегда в достаточно едином виде (наш раскол представляется достаточно идеологически несущественным, если взглянуть на него с точки зрения разногласий, разделявших англичан разных направлений веры, а секты – непродолжительными и малочисленными в процентном соотношении), а ведь страна у нас поболее будет, то в Англии постоянно жил дух поиска. Видимо, преобладание идеи «свободный человек в свободной стране» рождало чувство независимости и самостоятельности во всех вопросах. По этому поводу забавно высказался епископ Нориджский, приветствовавший своего преемника следующей фразой: «Добро пожаловать в Норфолк. Если вы хотите возглавить кого-нибудь в этой части мира, выясните сначала, куда они идут. А затем вставайте впереди».

Интересно, что в тех случаях, когда речь идет о поддержании традиции, англичане стараются сохранять принципы неизблемыми. Воскресенье, согласно христианской вере – день, предназначенный для молитвы и походов в церковь.

Когда-то в этот день запрещалось работать. Давно уже все народы отошли от этого правила в угоду коммерции, даже те из них, которые гораздо более рьяно посещают храмы, чем англичане. Но – традиция есть традиция, и много поколений путешественников жаловались на скуку и пустоту английских воскресений. Еще в XVII веке русский, оказавшийся в Лондоне, удивлялся: «А по воскресениям у них торгу нет никогда, все богу молятца, и воскресение почитают честно, а в-ыные дни до полуночи сидят со свечами, у них свечи во всем в граде у всякого двора». И сегодня до 12 часов в воскресенье закрыто практически все, а некоторые крупные универмаги, знаменитые консервативностью своей позиции, например «Джон Льюис» на торговой Оксфорд стрит, не открываются в этот день совсем.

Классическая английская деревня непременно имеет церковь в центре, вокруг нее сосредотачивается важнейшая общественная деятельность, особенно в тех случаях и для тех людей – женщин, стариков, детей, – когда вопрос не может быть решен в другой непременной составляющей английской жизни – пабе. Викарий не воспринимается окружающими как пастырь или наставник, скорее как друг, который пользуется уважением, от которого ждут активности (как известно, в английских детективах им нередко приходится даже раскрывать убийства), роль которого – не напоминать окружающим о том, как надо жить, а просто быть готовым помочь, когда это нужно. В его положении нет тай-

ны и мистики, как, например, в православном монашестве или католических священниках. Он не является посредником между богом и людьми. Поэтому, наверное, англиканская церковь так легко пошла на то, чтобы допустить в свои ряды женщин. Те функции, которые выполняет викарий в английском обществе, легко могут быть возложены на женские плечи. Трудно сказать, как сложилась подобная ситуация. Может быть, дело в том, что христианство уже давно в Англии, пустило глубокие корни, стало частью жизни. Еще в то время, когда большинство народов не было до конца уверено в том, как относиться к этому новому явлению, а до их крещения оставались столетия, на этой земле уже строились монастыри и монахи вели беседы о вере.

3. Англия и Россия – традиции общения

Взаимовыгодное сотрудничество

Англию и Россию связывают давние и разнообразные связи. Известно, что еще в Киеве при дворе Ярослава Мудрого находились два англо-саксонских королевича, сыновья Эдмунда Железнобокого, убитого в 1016 г. Дочь последнего англо-саксонского короля Гаральда Гита бежала через Данию на Русь, где стала женой Владимира Мономаха. Ученые до сих пор спорят – была ли именно она матерью Юрия Долгорукого или же он был сыном второй жены князя, однако вне всякого сомнения англичанка прожила с ним не один год и родила по крайней мере шестерых детей.

В свое время много шума наделала предполагаемое сватовство Ивана Грозного к английской королеве Елизавете I. На Руси поговаривали, что англичане «испортили царя», который пренебрегает русскими девками и заглядывается на иностранку. Грозный, как позже стало понятно, русских девок очень даже любил и совсем не забывал, а его сватовство относится скорее к числу исторических курьезов. Да и уж очень разные мы всегда были. Забавно, что в одном из писем

царь Иван выговаривает английской королеве: «А до сих пор, сколько ни приходило грамот, хотя бы у одной была одинаковая печать! У всех грамот печати разные. Это не соответствует обычаю, принятому у государей, – таким грамотам ни в каких государствах не верят; у каждого государя в государстве должна быть единая печать». Как видно, и в то время для русского человека очень важна была правильная бумажка с правильной печатью, а англичане относились к этому вопросу с непростительным легкомыслием.

Эпоха Ивана Грозного стала переломной в истории нашего общения с Англией: с этого момента в эти отношения прочно вплелись экономические мотивы, а следовательно, и взаимный интерес заметно вырос. В 2003 г. с большой помпой отмечался 450-летний юбилей дипломатических отношений между нашими странами, ему посвящены отдельные номера журналов, как у нас, так и в Англии, созданы различные совместные компании. С юбилеем был связан даже государственный визит российского президента к английской королеве. Впрочем, как и почти пятьсот лет назад, истоки повышенного взаимного интереса прежде всего экономические.

Эпизод, который лег в основу юбилея, хорошо известен и много раз описан. В 1553 г. английские купцы снарядили три судна и отправили их в плавание, на поиски нового пути в Китай. К каким только великим открытиям не приводили подобные поиски! Как известно, именно так испанцы

«нашли» Америку. Вот и англичане в этот раз до Китая не добрались, но «открыли» Московию, точнее, северный морской путь к ней. В наивном и трогательно-патриотическом описании начала этого путешествия говорится: «Когда наши купцы заметили, что английские товары имеют мало спроса у народов и в странах вокруг нас и близь нас и что эти товары, которые иностранцы когда-то на памяти наших предков настойчиво разыскивали и желали иметь, теперь находятся в пренебрежении и цены на них упали, некоторые почтенные граждане Лондона, люди большой мудрости и заботящиеся о благе своей родины, начали раздумывать между собой, как бы помочь этому тяжелому положению». Решение отправить морскую экспедицию на поиски новых рынков, как показала жизнь, было совершенно правильным.

Путешествие было нелегким и длилось шесть месяцев, за это время мореплаватели обогнули самую северную оконечность Европы мыс Норд Кап, потеряли два судна и руководителя экспедиции. В конце концов последний корабль маленькой флотилии опытный мореплаватель Ричард Ченслор привел к устью Северной Двины, где позже возник город Архангельск, а в то время находилась только небольшая пристань возле монастыря. Ченслор поехал в Москву, был представлен Ивану Грозному и вернулся домой, окрыленный отрывавшимися для его страны новыми возможностями.

Действительно, с этого момента между двумя странами устанавливаются прочные торговые связи, оказавшиеся

весьма выгодными для обеих сторон и приведшие к тесным контактам и в других сферах. Судьба же «открывателя» оказалась грустной. Вскоре он вновь поплыл в Россию, облеченный уже большими государственными полномочиями, а на обратном пути, возвращаясь на корабле с богатым грузом, ценными дарами и первым русским послом в Англию Осипом Непеей, попал в страшную бурю у беспокойных берегов Шотландии, где и погиб вместе с большей частью команды и своим сыном. Непея же спасся и был представлен к английскому двору.

Уже в 1554 году создается английская Московская компания, получившая право монопольной торговли с Россией и успешно просуществовавшая не одно столетие. Агенты этой компании проживали в Москве и вели торговлю между двумя странами, осуществляя одновременно и культурное взаимодействие между английским и русским народом. Иногда, правда, результаты этого взаимодействия оказывались не слишком блестящими. Повлияла ли московская атмосфера на иностранцев или пребывание в далекой стране, вдали от родины, выявило скрытые до той поры особенности их собственной натуры, но уже в 1567 г. руководство Московской компанией было вынуждено издать специальное предписание, осуждавшее своих агентов за пьянство, разврат, увлечение собачьей охотой и медвежьими боями, а также вызывающую роскошь в быту. Пришлось даже особо оговорить ограничения в одежде. Так, например, англичанам, жившим

в Москве, полагалась всего одна шуба на три года.

Частенько, как нередко бывало в подобных случаях, общение англичан с «открытыми» ими русскими сильно напоминало их же контакты с туземными племенами. Один из исследователей северных берегов России в том же XVI веке с прямотой колонизатора описывал свои отношения с местными русскими жителями, которые в основном сводились к следующему: они ему хлеба, рыбы, каши, мед бочонками, ну и постоянно руку помощи в тех случаях, когда нескладный иностранец в очередной раз оказывался в критической ситуации, он им за это – то гребешок, то зеркальце, то опять гребешок. Дикари все-таки! Такое вот общение культур.

С середины XVII века начинает активно проникать в русское общество английский язык. Так, до нашего времени дошла рукопись, принадлежавшая ярославскому посадскому человеку, содержащая записанную им английскую азбуку, англо-русский словарик и разговорник, что говорит об интересе к иностранным языкам среди городского населения, занимавшегося, видимо, торговлей с иностранцами. Один из наиболее ранних переводов с английского языка относится к первой четверти XVII в., это так называемые землемерные книги. Вместе с языком распространялись в России и знания о стране «ангилейских немцев», как их называли в то время.

Однако только XVIII веку было суждено сделать далекую Англию родной и близкой русскому человеку. И это несмотря на то, что ей приходилось постоянно соперничать на этом

поприще то с Голландией, то с Германией, то с Францией, а чаще всего со всеми вместе. Конечно, Франция все-таки лидировала в этой гонке, но и у Англии был свой уголок в русском мире. Чем, как говорится, были богаты, то и нам перепало.

Конечно, помогли нам англичане, знаменитые производители текстиля, одеться, причем, в отличие от французов, не утонченно и изысканно, практично и основательно. Трудно представить, но значительная часть русского гардероба когда-то жила и здравствовала в Англии. Герой войны с Наполеоном лорд Веллингтон «подарил» России высокие сапоги «веллингтоны», а шотландский физик Чарльз Макинтош – плащи из непромокаемой ткани – макинтоши. С далеких берегов пришли к нам смокинги, пуловеры, наконец, пиджаки, которым Даль в своем словаре дал такое несколько насмешливое определение: «Английское слово, долгая куртка, коротенький сюртучок по бедра» (пиджаки долгое время считались одеждой легкомысленной и несолидной). «Дэнди» – так на английский манер долгое время называли в России модников, и уж, конечно, не один Онегин в ту пору был «как денди лондонский одет». В Крымской компании участвовал граф Кардиган, мало ассоциировавшийся с уютными вязаными жакетами, которым впоследствии присвоят его имя. А лорд Джеймс Реглан был во время той же войны ранен в руку, что и вынудило его заказать специальную новую одежду удобного покроя. Во время первой мировой войны англий-

скими войсками командовал фельдмаршал Джон Френч, не догадываясь, что наглухо застегнутые френчи станут так популярны в Советской России, что будут любимой одеждой даже грозного вождя этой огромной и беспокойной страны.

Английские товары так высоко ценились, что, выражаясь словами современной рекламы, подтверждающей, что в мире не так уж многое и изменилось, «настоящее английское качество» было гарантией хорошего бизнеса. Известно, что русские «умельцы» в XIX веке ставили на свои товары фальшивые английские клейма. Журнал «Москвитянин» в 1851 году писал, что нередко на русские изделия ставились «английские буквы без всякого смысла», причем эти вещи не только пользовались большим спросом дома, но и «уходили в Персию», где английские буквы также гарантировали высокое качество и хорошую цену.

Англичане считались мастерами воспитания. Они авторы больших трактатов по этим вопросам и самой совершенной системы порки, которую трепетно берегут до сегодняшнего дня как основной вид воздействия на ребенка. В моду в XIX веке вошли английские няньки, бонны, причем детей им, как правило, доверяли в нежном возрасте, когда было необходимо *воспитывать*, для *образования* же их передавали французам или немцам.

Добродушно смеется Пушкин над английской гувернанткой дочери англomана Муромцева Лизой из «Барышни-крестьянки». Эта мисс Жаксон – «набеленая, зятянутая, с по-

тупленными глазами и с маленьким книксом», «сорокалетняя чопорная девица, которая белилась и сурьмила себе брови, два раза в год перечитывала «Памелу», получала за то две тысячи рублей и умирала со скуки в *этой варварской России*». Вреда от нее не было, но и пользы воспитанию своей подопечной она тоже не приносила. Лиза скорее воспитывалась природой, девичьей, книгами, а английская мисс была данью моде и увлечениям отца.

А вот и реальный случай из жизни: Никита Муравьев, будущий декабрист, в 1812 г. ребенком бежал из дому, чтобы поступить на военную службу, но «так как он говорил в детстве только на английском и на родном языке изъяснялся, как иностранец, то его крестьяне приняли за француза и представили Растопчину. А тот возвратил его матери».

В романе К. К. Павловой «Двойная жизнь», основанном частично на впечатлениях собственных молодых лет, встречаем целое рассуждение о роли английских нянек в русских семьях: «Известно, что девушке высшего круга без англичанки быть нельзя. У нас в обществе по-английски не говорят, английские романы барышни наши обыкновенно читают в переводе французском, а Шекспир и Байрон для них вовсе неприкосновенны, но если ваша шестилетняя дочь говорит иначе, как по-английски, то она дурно воспитана. Из этого часто следует, что мать, не так хорошо воспитанная, как ее дочка, не может с ней изъясняться, но это неудобство маловажное; ребенку английская нянька нужнее матери».

В известном рассказе Чехова «Дочь Альбиона» провинциальный помещик Грябов глубоко презирает англичанку, гувернантку своих детей: «Живет дурища в России десять лет, и хоть бы одно слово по-русски!.. Наш какой-нибудь аристократишка поедет к ним и живо по-ихнему брехать научится, а они... черт их знает!»

Помимо детей русская знать доверяла англичанам и своих лошадей: считалось, и справедливо, что англичане – превосходные тренеры и жокеи. Воспитатель, наверное, самой известной лошади русской литературы по кличке Фру-фру из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» – типичный представитель своего народа, как его видели русские в то время. Он «сухой англичанин», говоривший «не открывая рта», смотревший на графа Вронского «не как на хозяина, но как на жокея». В критическую минуту он «спокоен и важен», а в радостную он только «поморщился губами, желая выразить улыбку»

В Англии умели развлекаться и отдыхать. Отсюда и заимствования «Аглицких» клубов, пусть и на русский лад, и чисто английское понятие «пикник», полюбившееся русским, и разнообразные игры, которыми англичане осчастливили не только Россию, но и весь мир: бадминтон, футбол, крикет, волейбол. К числу развлечений можно отнести и английское понятие «комфорт», и столь дорогой сердцу российской молодежи «сплин», а также понятный и близкий нам «флирт».

Наконец, появилось и особое понятие – английский стиль:

не только в одежде, но и в садоводстве, в убранстве домов, в манере поведения. Как писал один русский путешественник в 1795 году, «ныне англичане стали модным народом, теперь во всей Европе за одно почитается быть по-английски или быть по моде».

Можно проследить и русское влияние в Англии, процесс этот был взаимным. В английский язык и жизнь вошли такие русские понятия, как «спутник», «интеллигенция», в более ранние времена – «соболь». Русская литература и особенно театр оказали огромное влияние на английскую культуру, даже если сами англичане об этом и забыли. В XIX веке были модны «обеда по-русски», когда блюда не ставились на стол, а обносились одно за другим вокруг стола. Чай по-русски сегодня – это непременно чай с лимоном, англичане не могут поверить, что мы иногда пьем этот напиток без экзотической добавки. Русский балет стал частью мировой культуры, а в Англии он особенно любим и хорошо известен многим, не в последнюю очередь благодаря пышному пирожному с взбитыми сливками и безе, носящему имя великой балерины «Павлова».

Переплетение судеб

Однако одними практическими связями отношения между Англией и Россией не ограничивались. Существовала некая мистическая нить, связующая два столь разных и, скажем прямо, не всегда политически дружелюбно настроенных по отношению друг к другу народа. Например, общий покровитель – святой Георгий. Первый государственный флаг Англии, белое полотнище с красным крестом (символика, как его называют в стране, святого Джорджа), вводится в XIV веке. Практически в это же время всадник, поражающий змия, становится эмблемой набирающей власть Москвы. Или андреевский флаг – общий у русского флота и Шотландии. Или сохранившееся в английской хронике предание о смерти от черепа любимого коня барона Роберта Шарленда, точно повторившего судьбу нашего «вещего Олега». Или почти идентичное сходство между последним русским императором и английским королем Георгом V (конечно, все знают, что они родственники, но не близнецы же).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.